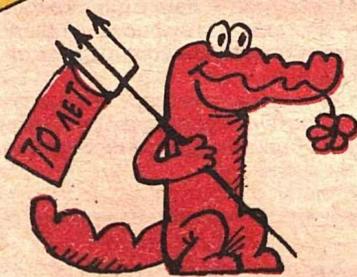

КРОКОДИЛ

№ 10 • 1992

ISSN 0130 • 2671

ВСЕ КО МНЕ НА ЮБИЛЕЙ!

В номере — ПОЗДРАВЛЕНИЯ, ПОДАРКИ, УЛЫБКИ.

Алексей ПЬЯНОВ

НАМ. 70!

Бегут, меняясь, наши лета
Из ниоткуда в никуда,
И на плечах, как эполеты,
Лежат прожитые года.
С них, как известно, взятки гладки.
Все — наши. Все до одного.
Вот «Крокодилу» — семь десятков.
Уже... А может быть, всего?!
Но как бы тут мы ни гадали,
Винить судьбу — напрасный труд.
Мы с юбилеем опоздали:
Теперь и плохонькой медали
К высоким датам не дают.
Коль скоро на дворе реформы,
Суть, стало быть, важнее формы,
А суть, как утверждают, в том,
Что, слава Богу, мы живем.
Пусть ненадежно, пусть пока,
А что сейчас наверняка?
Не станем спорить им в угоду —
Все козыри у них в руках,
Но вот в застойную погоду
Мы б не остались в дураках:
По крайней мере за полгода
Сверлили б дырки в пиджаках,
Поскольку — рыцари сатиры —
Борясь с ордой кувшинных рыл,
Мы чистили страны сортиры,
Как Маяковский говорил.
(Он, кстати, в юный «Крокодил»
Довольно часто заходил.)

... Мы все тогда в одной телеге
Тряслись, жалей иль не жалей.
И в день рождения коллеги
Пришли бы к нам на юбилей.
И по канонам той поры
Преподнесли свои дары...
Десятки дружественных флагов
Направились бы в гости к нам:
Варшава, Будапешт и Прага...
Китай, Болгария, Вьетнам...
Все так легко, привычно, просто:
В первопрестольной — пир горой!
Звучат торжественные тосты,
Летит похвал веселый рой.
Былому не вчиняя иски,
Припомнили б не сгоряча
И Мануила с Мануильским*,
И дядю Костю**, и Ленча.
Тех, кто талантливо и споро
Родную подметал страну:
Кольцова, Зощенко, Моора,
Горяева и Ильину...

Но налетела птицей-тройкой,
Впряженной в старый тарантас,
Лихая наша перестройка,
Меняя все, меняя нас.
И вот преграды и препоны
Нас друг от друга отвели...
У тех — заветные купоны,
У этих — новенькие кроны,
Чихающие на рубли...
Кто был «товарищи» тогда
Теперь — сплошные «господа».
Пришла пора иных атлантов.
Рыжков с Абалкиным — ку-ку!
Колбаска — в цену бриллиантов,
Бензин — дороже коньяку...
Все это россиянам в дар
Так щедро преподнес Гайдар.

Не повезло нам с юбилеем,
Мы опоздали на парад,
Но мы об этом не жалеем:
Есть вещи поважней наград.

Читатель! Пред тобой — музей.
Смелее заходи под арки.
Все, что здесь есть, — тебе подарки
От наших искренних друзей.

* Главные редакторы журнала.

** См. третью колонку на этой странице.

КТО СТАРОЕ
ВСПОМНЯЕТ

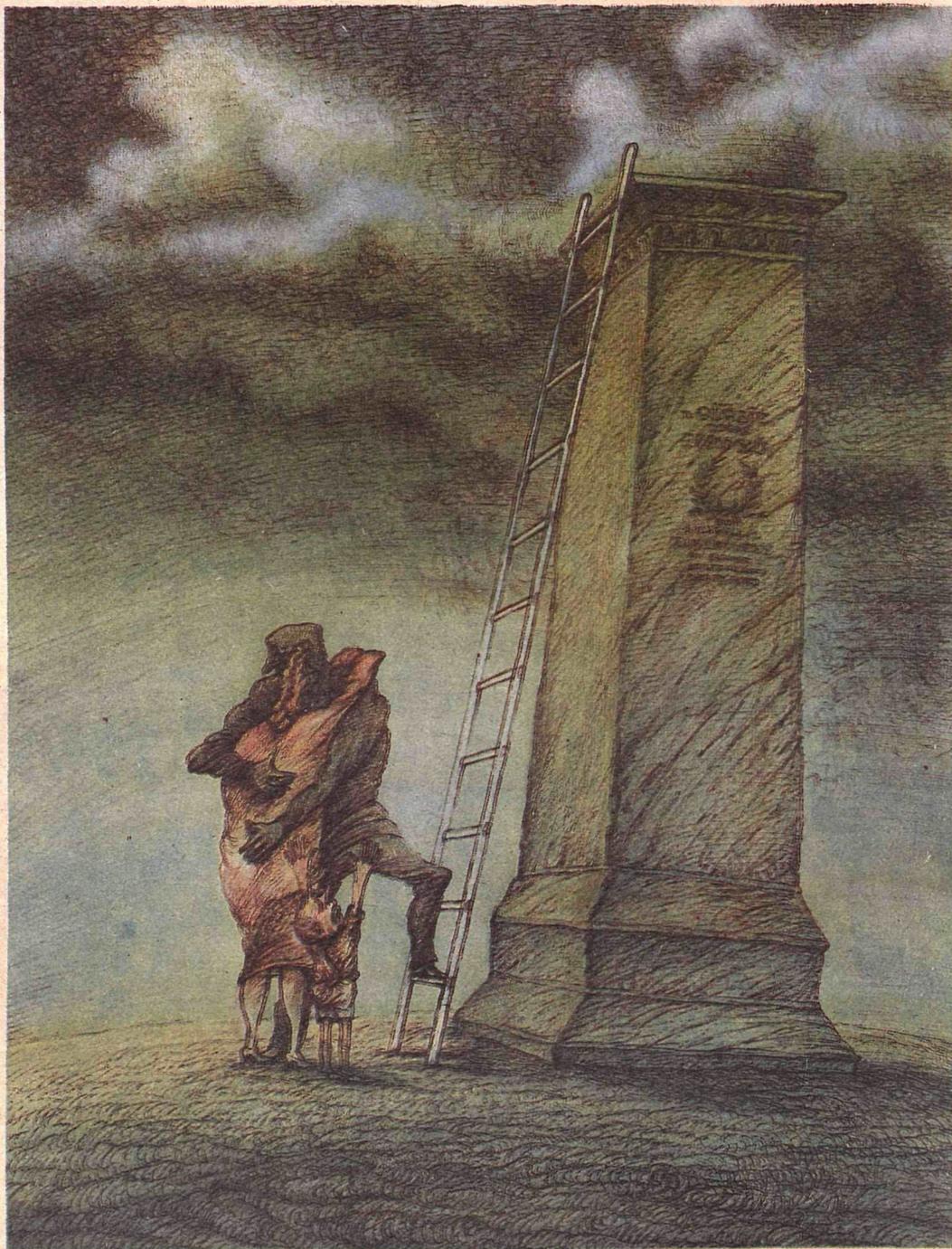

ПЕРВЫЙ НОМЕР...

В сложное и, прямо скажем, щекотливое положение попадает человек, когда ему доводится рассказывать о событии, единственным очевидцем которого он является. С одной стороны, не на кого сослаться в подтверждение

твоих слов, не в кого ткнуть пальцем и сказать: «Вот, не даст соврать!» С другой стороны, можно совершенно свободно и безопасно приврать — опровергнуть-то некому. Не зря бытует ехидное присловье «Врет, как очевидец». Разумеется, очевидец (в данном случае я), как и всякий другой человек, способен приврать, приписать себе то, чего на самом деле не было (в данном случае участие в первом номере «Крокодила»). Но фотодокумент — вещь неоспоримая и неопровержимая. И такой фотодокумент, запечатлевший первых крокодилцев, случайно сохранился. Их совсем немного, участников первого номера новорожденного журнала, и они легко разместились в далеко не просторном кабинетике Константина Степановича Еремеева, основателя «Крокодила» и одновременно его «крестного отца». На снимке, естественно, сам «дядя Костя» и его, как говорят сегодня, «команда» — поэты Василий Лебедев-Кумач (он же секретарь редакции), Александр Архангельский и Михаил Пустынин, художники Дмитрий Моор, Михаил Черемных, Иван Малютин, Дмитрий Мельников и еще один, которому, единственному из присутствующих, судьба определила представлять первокрокодилцев через семьдесят лет.

Как известно, первый номер «Крокодила» являлся, по существу, тринадцатым номером еженедельного «Иллюстрированного приложе-

Михаил ЗЛАТКОВСКИЙ подарил юбиляру на память «Памятник». С его помощью Михаил собрал богатый урожай международных премий, начиная с 1979 г. (Югославия) и кончая 1992 г. (Франция, Гран-при). Всего 12 штук. Хоть и не 70, а тоже цифра внушительная.

ния» к массовой «Рабочей газете», редактором которой был тот же дядя Костя. Будучи сам неплохим фельетонистом, он особенное внимание уделял сатирическому разделу, расширявшемуся из номера в номер, пока «Приложение» не превратилось в самый настоящий сатирический журнал, которому не хватало только острого, броского, «сатирического» названия. И такое название, не без колебаний и яростных споров, было утверждено «дядей Костей» — «КРОКОДИЛ»!

Не берусь сколько-нибудь подробно рассказать о содержании первого номера, ставшего, говоря высоким «штилем», достоянием истории. Запомнился из литературных материалов «манифест» Демьяна Бедного «Красный крокодил — смелый из смелых — против крокодилов черных и белых». Из рисунков — прежде всего, конечно, нарисованная Иваном Малютиным «историческая» обложка «Неожиданное приложение» с выглядывающим из полосы «Рабочей газеты» веселым зубастым крокодилом, ставшим прародителем бесчисленных крокодилов и крокодилчиков, орудовавших на страницах журнала на протяжении всех семи десятилетий. Запомнился и большой двухстраничный, тоже в своем роде программный рисунок Моора «Крокодил в Охотном ряду». И, естественно, позволю себе упомянуть и свои четыре рисунка «Нагорная молитва...».

Итак, «Крокодил» появился на свет Божий. Начался его многолетний, непростой и нелегкий труд на сатирической ниве. Вскоре имя его стало привычным, понятным, популярным, почти нарицательным. Он отнюдь не проливал свои пресловутые «крокодиловы слезы», а, напротив, смеялся, высмеивал и смешил, даже тогда, когда было совсем не до смеха. Иногда, правда (не будем греха таить), смех его бывал несмешным, натужным, конъюнктурным. Но нужно ли вплетать в юбилейный венок шпильки, колючки и тернии? Их вполне хватает и в будние дни...

Дорогой юбиляр! Я был с тобой с самого твоего рождения и сегодня, когда ты разменял восьмой десяток, хочу вместе со всеми ныне здравствующими крокодилцами, вместе с верными тебе читателями поздравить тебя и пожелать ЗДОРОВЬЯ И ДОЛГОЛЕТИЯ! УРА!

Твой Бор. ЕФИМОВ.

Хотя Николай Александрович СОКОЛОВ старше Крокодила почти на двадцать лет, он неустанно и плодотворно трудится. Этот его новый

рисунок точен и злободневен, как, впрочем, и все карикатуры знаменитых КУКРЫНИКОВ. Кстати, это имя может помочь разгадывателям крокодилского веселого кроссворда (стр. 15).

ПРИСПОСОБЛЕННЕЦ ВЫЛУПИЛСЯ...

Лучший подарок Крокодилу на юбилей — это, убежден, юморная история. Так вот: идут съемки фильма «Старики-разбойники». Я и мой партнер Женя Евстигнеев должны похитить из музея картину, а картина, надо сказать, не из легких, одна рама килограммов на полста тянула совершенно точно. Сделали дубль — снесли мы картину по лестнице. Режиссер недоволен: мол, было мало света. Поставили свет. Мы с Евгением, а ведь были уже в возрасте, волочем картину вверх по лестнице, и сцена повторяется. Режиссер просит сделать еще дубль. И так раз пятнадцать, вверх-вниз, прежде чем режиссера осенило: «Мужики! — обратился он к публике, которая толпилась вокруг съемочной площадки. — А ведь мы «стариков» вконец уморили! Помогите картину таскать!»

Но было уже поздно. Женя, правда, оклемался, а я вскорости свалился с обширной грыжей. Был прооперирован. А когда встал на ноги, вернулся на свое основное место работы — в цирк, эта трагикомическая история получила свое продолжение уже на арене. Помните миниатюру «Бревно»? Замысел ее сложился, когда я лежал в больнице, хотя мне тогда было, естественно, не до смеха.

Что же я хочу сказать этой историей? Мы переживаем трудные времена, нам сейчас не особенно весело, но, мой дорогой Крокодил, без юмора, как ты сам знаешь, жизни нет, и ты, на мой взгляд, единственный журнал, который еще держит марку. И так держать! И не унывать! И не давать унывать твоим поклонникам! В одном из номеров я услышал пессимистические нотки — вот это нельзя! Не имеем права! А трудности переждем и будем вспоминать о них с юмором. Как я вспоминаю историю с картиной, которая смешит уже второе поколение зрителей.

Здоровья! Успехов!

«Крокодил» для многих моих сверстников являлся олицетворением нашей эпохи, ибо теперь ясно, что советская власть плюс электрификация всей страны порождают крокодилов, которые не выдерживают наших достижений.

В 1961 году «Крокодил» опубликовал мои первые полупрофессиональные опусы, и я бесконечно благодарен этому многострадальному земноводному за его чуткость и улыбочивый оскал. Если он уплывет навсегда, это печально: слишком долго мы прожили вместе. Поэтому желаю ему во что бы то ни стало выплыть, а потом жить, здравствовать и шутить еще много-много лет.

Белла АХМАДУЛИНА

ПРИГОРОД: НАЗВАНЬЯ УЛИЦ

Стихам о люксембургских розах совсем не нужен Люксембург: они порой цветут в отбросах окраин, свалками обросших, смущая сумрак и сумбур.

Шутил ботаник-переулок, любитель роз и тишины: две улицы и переулок (он — к новостройке первопуток) — растению грез посвящены.

Мы для унятия страданий коровьих не растим травы. Народец мы дрянной и драный, но любим свой родной дендрарий, жаль — не сносить в нем головы.

Спасибо розе люксембургской за чашу, полную усад: к ней ходим за вином-закуской (хоть и дают ее с нагрузкой), цветом, как Люксембургский сад.

Не по прописке — для разбора, чтоб в розных куцах не пропасть, есть Роза-прима, Роза-втора, а мелкий соименник вздора зовется: Розкин непролаз.

Лишь розу чтит поселок-бука, хоть идол сей не им взращен. А вдруг скажу, что сивка-бурка катал меня до Люксембурга? — пускай пошлют за псих-врачом.

А было что-то в этом роде: плющ стены замка обвивал, шло готике небес предгрозье, склоняясь к люксембургской розе, ее садовник поливал.

Царица тридевойтой флоры! Зачем на скромный наш восток, на хляби наши и заборы, на злоначальные затворы пал твой прозрачный лепесток?

Но должно вот чему дивиться, прочла — и белый свет стал мил: «ул. им. Давыдова Дениса». — Поведай мне, душа-девица, ул. им.— кого? ум — ил затмил.

— Вы что, неграмотная, что ли? — спросила девица-краса. — Пойдите подучитесь в школе. — Пойкались щелки, створки, штorkи, и выглянули все глаза.

— Я мало видывала видов — развеите умственную тьму: вдруг есть среди ваших индивидов другой Денис, другой Давыдов? Красавица сказала: — Тыфу!

Пред магазинною горою я шла, и грустно было мне. Свет, радость, жизнь! Ночной порою тебе, певцу, тебе, герою, не страшно в этой стороне?

Владимир Войнович подарил нам свою книгу «Антисоветский Советский Союз», изданную в США в 1985 году на русском языке, и любезно разрешил черпать из нее все, чем, по нашему мнению, можно позабавить друга-читателя. Редакция решила, что для «позабавить» прекрасно подходит рассказ-беллетристика «ДВС».

Я вам так скажу, что привилегии — это дело хорошее. Конечно, для тех, у кого они есть. Но еще я бы сказал — дело хорошее, но не всегда. На почве разницы в этих привилегиях иногда такие неприятности случаются, что иной раз задумаешься, может, этих привилегий лучше и совсем не иметь.

Ну вот хотя бы такой случай. Один большой, очень большой писатель из одной не очень большой азиатской или, может, кавказской даже республики приехал однажды в Москву по делам... Поскольку он был действительно большой писатель и даже чуть ли не основоположник своей национальной литературы, то поселился он, как всегда, в гостинице «Москва», куда, между прочим, кого попало не пустят. Ну, как он там с собратями со своими встречался, кого сам посещал, кто к нему в гостиницу приходил, сейчас подробно описывать не буду. Скажу только, что много было выпито и много закусено, много было тостов всяких произнесено. И за дружбу народов, и за расцвет нашей многонациональной литературы, и за дорогого гостя, и за дорогих хозяев, так что того ящика коньяку, который он с собой привез, даже и не хватило, пришлось второй закупать уже здесь, на месте. И к тому времени, когда уже и второй ящик к концу подходил, до того наш герой допил и до того докушался, что однажды ночью стало ему нехорошо. Пронюхав писатель среди ночи, чуяет в груди: бубух, бубух. А потом что-то ка-ак саданет, будто сердце шампуром, как барана, проткнули. И чувствует писатель, что вроде он как-то бледнеет и как-то вроде слабеет, помирает, короче.

А был приезжий этот писатель хоть и большой, да глупый. И хоть с высокими людьми в Москве общался, многого еще в столичной жизни не освоил. Лежит он себе на кровати, одной рукой за сердце хватается, другой телефон к себе придвигает и дрожащим пальцем набирает 03.

Ну, это, как известно, наша «Скорая помощь», самая скорая в мире. Не успел писатель концы отдать, а она уже тут как тут.

Открывается дверь, врывается в номер доктор с чемоданчиком, врывается санитар с ящиком, которым кардиограмму пишут, врывается другой санитар с носилками: две палки, а между ними парусина. И коридорная испуганно в дверь тоже заглядывает. Доктор, понятно, спросил, на что больной жалуется, а тот даже не жалуется, только мычит и пальцем себя в левую сторону тычет. Доктор время терять не стал, кардиограмму сделал, давление смерил, пульс посчитал.

— Ну что? — спрашивает больной еле слышно и при этом волнуясь, конечно.

— А ничего, — говорит доктор. — Ничего определенного пока сказать не могу, но думаю, что у вас такой это небольшой обширный инфаркт. А больше совсем ничего.

Больной, слыша такие слова, глаза закатил и лежит, не дышит. Сердце дергается, больно, ноги холодеют, язык пересох, писатель волнуется, а волноваться ему как раз и нельзя.

— Да вы ничего, — говорит доктор, — вы, аксакал, не волнуйтесь, мы вас доставим в больницу, а для начала укольчик.

Достаёт из чемоданчика шприц со здоровенной иглой и иглу эту куда надо, то есть в «мышцу, засаживает. А затем переваливает нашего писателя с дивана на носилки, дает знак санитарам, те носилки подхватывают и волокут их к дверям. А в это время двери эти распахиваются и в номер врывается дежурный администратор и за ним опять коридорная. Как увидел администратор санитаров и доктора, встал перед ними, руки раскинул в стороны. «Кто, — говорит, — вы такие и куда его ташите?» Доктор вежливо объясняет, что они — «Скорая помощь», а ташат они больного вниз к машине для доставки к месту лечения.

Администратор говорит: я его выпустить не могу, ставь носилки обратно на пол. Доктор объясняет, что на пол носилки поставить не может, потому что больной срочно нуждается в помощи.

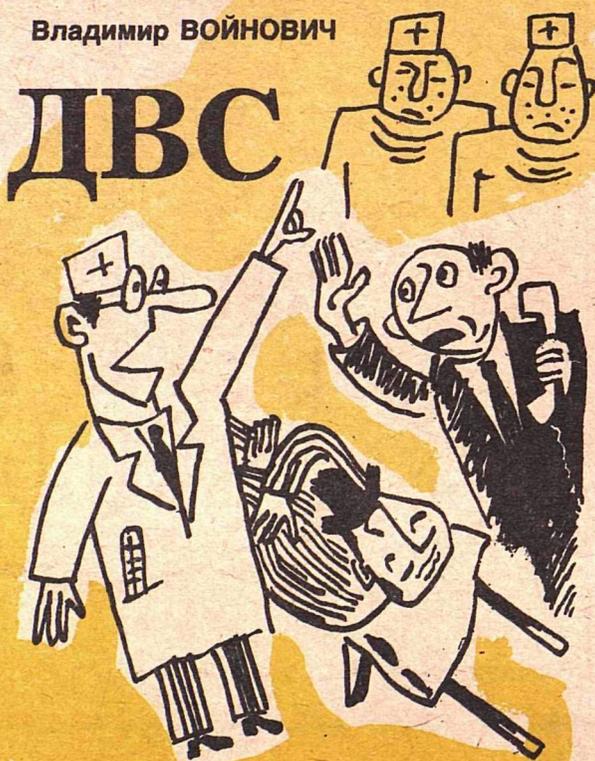
Администратор говорит: нуждается не нуждается, не вашего ума дело, а я товарища выпустить не могу, поскольку он — ДВС.

— Дэвэ кто? — переспрашивает доктор.

— Дэвээс, — повторяет администратор и объясняет до-

Владимир ВОЙНОВИЧ

ДВС

ктору, который не понял, что ДВС — это значит депутат Верховного Совета.

Доктор говорит: «Я не знаю, ДВС он или ДОСААФ, меня это не касается, для меня все люди равны», — и ссылается на клятву Гиппократова, которую он, между прочим, не давал, потому что у наших врачей своя есть клятва, советская.

Администратору, само собой, на Гиппократова этого с высокого дерева наплевать и на его эту клятву тоже.

Врач в конце концов сдаётся и звонит в центральную, сообщает, что администрация гостиницы препятствует исполнению врачебного долга. Центральная сначала думает, а потом говорит: черт с ним, с этим администратором, если больного не отдаст, пусть даст расписку, что за возможные фатальные последствия он берет ответственность на себя. Администратор расписки не дает, больного не выпускает и сам звонит по какому-то номеру.

— Пришлите, — говорит, — карету специальной «Скорой помощи», у меня тут ДВС загибается.

Время идет, больной лежит, администратор сидит, врач стоит, коридорная смотрит в окно, санитары вышли в коридор покурить.

Часу не прошло, врывается еще один врач, кремлевский, с медсестрой и четырьмя санитарями. Носилки, между прочим, уже не брезентовые, а кожаные.

Попештался кремлевский врач с приехавшим ранее, выяснил, какие меры были приняты, вкатил еще один шприц больному и приказал санитарам перевалить его с парусины на кожу.

Администратор помягчел, выдал ранее приехавшему справку, что в его помощи никакой необходимости нет, и тот

со своими санитарями и носилками отправился к лифту.

А вновь приехавший врач придвинул к себе телефон и звонит в свою центральную, в какой из филиалов кремлевской больницы доставить больного.

Те спрашивают: а как его фамилия? Врач спрашивает у администратора, администратор отвечает врачу, тот отвечает центральной. Потом небольшое молчание, потом врач говорит: «Понятно», потом поднимается и администратору холодно так говорит: «Что вы глупости, — говорит, — городите, что вы панику поднимаете и занятых людей в заблуждение вводите, когда больной ваш вовсе не ДВС, в списках ДВС его фамилии нету».

Администратор слегка бледнеет, смотрит вопросительно на больного, тот слегка очухивается и говорит слабым голосом: «Давай сыр!»

Кремлевский врач слегка рассердился, какой, говорит, тебе сыр, когда тебе о Боге пора подумать. И говорит администратору: «Где там этот ваш врач для простых людей, пусть он этого больного теперь себе берет, а нам с ним возиться некогда».

Администратор посылает коридорную за простым врачом, та вниз по лестнице летит быстрее скоростного лифта. Перехватывает доктора на самом выходе, загораживает дорогу. «Вернитесь, — говорит, — обратно, поскольку больной оказался не ДВС». Доктор отказывается, потому что ему это дело надоело, справка от администратора у него есть, а клятву Гиппократова он не давал.

Но коридорная подзывает швейцара, и вдвоем они доктора кое-как уговаривают, обещая ему и санитарам по полкило охотничьих сосисок из ночного буфета.

Доктор и санитары возвращаются в номер и опять переключают больного с кожи на парусину. А тот уже совсем плох, глаза закачены, щеки серые, губы синие, изо рта пена идет коричневая, коньяком пахнет. Больной сучит ногами и хрипит и слова все те же выкрикивает: «Давай сыр! Давай сыр!»

— Что это он говорит? — спрашивает обыкновенный врач необыкновенного. — Какой еще сыр? При чем тут сыр?

— Восточный человек, — говорит врач необыкновенный. — Привык есть сыр. Без сыра и помирать не желает.

— Пойдите, — говорит администратор обоим врачам, — он, может быть, не про сыр говорит, а про что-то другое.

Наклоняется к больному и спрашивает его как-то непонятно:

— Дэвээсэр?

— Дывысыр, дывысыр, — хрипит больной, соглашаясь.

— Ну вот видите, — говорит администратор кремлевскому доктору. — Я же вам говорил. Он депутат Верховного Совета республики. Не ДВС, а ДВСР. Кладите его обратно.

И сам хватает больного за ноги, чтобы перетащить с парусиновых носилок на кожаные.

— Стоп! Стоп! Стоп! — говорит кремлевский доктор, отрывая администратора от больного. — Мы перевозим только депутатов Верховного Совета СССР, а для давайсыров другая «Скорая» есть.

В это время обыкновенный доктор кивнул своим санитарам, и они вместе с парусиновыми носилками и с ящиком, которым кардиограммы делают, не дождавшись обещанных ночных сосисок, сбегают.

А больной уже и вовсе глаза закрыл, не хрипит и не дергается. Дергается администратор, понимая, что больной — депутат хоть и не СССР, а республики, а и за него отвечать придется. И требует администратор от кремлевского доктора, чтобы тот вез больного куда хочет, лишь бы из гостиницы. А доктор, поупиравшись, звонит снова в свою центральную и говорит: так и так. А те сначала с кем-то связались, с каким-то ночным начальником этот вопрос согласовали, проявили гуманность и говорят: хорошо, в порядке исключения разрешаем использовать перевозку для дэвээсэра.

Так что в конце концов писателя вытащили наружу и повезли в Кунцево. Если бы был он ДВС, может, его успели бы довести. Если бы был простой человек — тем более. А он был ни то ни се. Так что привилегии — дело, конечно, хорошее, но иногда лучше без них.

Александр
КАБАКОВ

Поскольку у нас теперь принято говорить только неприятные вещи (юбилей не являются исключениями — напротив, именно в день рождения «вечно живого», например, одна из газет обозвала его «просто гадом»), я решил написать о «Крокодиле» противную правду.

Из своего долгого века журнал большую часть прожил как настоящий боец идеологического фронта. Уже лет двадцать идут разговоры об использовании дельфинов в военных целях. Какое насилие над природой добрых и умных животных! Большевики были гуманней и решили выпустить на своих врагов отвратительное и злое по своему естеству земноводное. И надо отдать должное: аллигатор отлично исполнял волю хозяев. Вероятно, дрессировка дала особенно удачный результат благодаря сходству характеров животного и руководящей им — по своей роли — партии.

Зубастая пасть, дополненная зачем-то вилами (может, как исконным оружием сельского пролетариата), исправно разевалась на врагов народа — буржуев, белогвардейцев всех мастей, диверсантов и шпионов, троцкистов и бухаринцев, агентов германского и британского, японского и французского империализмов, врачей-вредителей, вейсманистов и кибернетиков, стилист, абстракционистов, спекулянтов и дельцов, мещан-вещистов и всех, кто мешал нам жить. Получалось, что если бы не мешали, то жили бы.

Как выяснилось впоследствии, когда все эти категории исчезли из перечня врагов народа, превратившись в его лучших друзей — предпринимателей, патриотов, зарубежных партнеров и так далее, — жить мы не можем все равно. Таким образом, следует признать, что зря журнал ел людей, наше главное богатство.

Впрочем, это все о политике и о нашем ужасном прошлом. Надо сказать и о настоящем.

Настоящими в «Крокодиле» были мои друзья, хорошие и добрые ребята, талантливые фельетонисты и писатели, первоклассные художники. Настоящими в «Крокодиле» были изредка проскакивавшие между цензурно-редакторскими клыками фельетоны о партийных ворах, номенклатурных бандитах и прочих крокодилах — изредка, но проскакивавшие. Настоящими в «Крокодиле» запомнились болтовня, когда забегал на минутку отдать материальчик, и несколько поездок в крокодильской компании — это, пожалуй, вообще из лучших воспоминаний жизни.

Все-таки странный мы народ. Любили орган политической сатиры, а сами были вроде бы вполне приличными людьми...

Очень люблю кошек, — сказал Виктор. — Я сделал целую серию таких «круглых» кошачьих композиций. И если наша легкая промышленность возьмется выпускать тарелки с такими рисунками... — Мои Тотоша с Кокошей были бы на седьмом небе... — Первый же кошачий сервиз подарю им, — пообещал Чижиков. (Кошколобы! Обратите внимание на стихотворение В. Берестова на стр. 13!)

ДА УБОИТСЯ
ЖЕНА МУЖА СВОЕГО...

Крокодилец с тридцатилетним стажем, иллюстратор множества детских книжек, создатель всемирно известного олимпийского Миши Виктор ЧИЖИКОВ преподнес Крокодилу эти два рисунка. И если сатирическая направленность первого понятна без слов, то по поводу второго рисунка Крокодил заинтересовался: — А почему кошки? И почему в круге?

— Скажите, Булат Шалвович, как вы, поэт-лирик, относитесь к политической сатире, каковая долгие годы была «краеугольным камнем» нашего журнала?

— Довольно долгое время относился довольно субъективно. Потому что сам был, простите, объектом этой сатиры. Со мной ведь вели борьбу. Печатали фельетоны. «Как можно в наше героическое время писать так пошло, мешански, заунывно»... «Что за подтекст, намеки?»... Особенно комсомол меня не любил.

— А сами вы комсомольцем были?
— А как же! Был. А на фронте потерял свой билет. И очень страдал и переживал, но снова не вступал — спросили бы, кто родители, а я к тому времени оказался сыном «врагов народа».

— Как вам удалось выпустить свою первую пластинку?

— Ну, тогда уже «выявились» Солженицын и многие другие смутьяны. На их фоне я стал совершенно безопасным. Пластинка ведь вышла через двадцать лет после того, как появились песни...

— Вы знакомы с Солженицыным?
— Увы, нет. Хотя на одном из моих американских концертов были его жена с сыном.

— А как вы думаете, кто из вас в Америке известней?
— Однажды я с переводчиком зашел в огромный супермаркет. К нам тут же подскочил проворный молодой продавец:

— Что вы хотите?
Переводчик толмачит с английского на русский и обратно.

— А кто он? — интересуется продавец, кивая на меня.

— Писатель из России.

— О-о, Сол-же-ни-цкий!!!

— Но зато в России, когда вы говорите «своим голосом» и без переводчика, вас уж узнают незамедлительно! Как узнавали Высоцкого.

— Ну, что касается голоса... А также Высоцкого... Это было в самую пору его успеха и популярности. Я завал за Володей в театр на Таганке. Окончился спектакль, он отправился разгримировываться, а я вышел первым, чтобы поймать такси. На стоянке стояли машины, рядом слонялись в потемках скучающие шоферы.

— Кто свободен? — спросил я.

Ни одна из теней шоферов даже не повернулась в мою сторону. Их абсолютно не интересовали ни мои слова, ни мои надобности. Вторая попытка тоже не увенчалась успехом. И тут вдруг из темноты раздался хриплый голос:

— Кто свободен?

— Высоцкий! Высоцкий! — загалдели тени.

Моментально подъехал кабриолет — и мы двинули к Володе в гости.

— Уверю вас, Булат Шалвович, это просто недоразумение. Конечно же, все шоферы были уверены, что вы в силу творческих чудачеств ездите исключительно на синих, последних и случайных троллейбусах. А вот на похоронах Пастернака, как я слышала, вас узнали сразу...

— Я работал в «Литературной газете», когда случилось это страшное событие — смерть Пастернака. Мы с Коржавиным пошли на его похороны. Тогда это считалось вызовом властям. Через некоторое время в иностранном отделе нашей газеты мне тайком показали зарубежный журнал «Пари-матч». Похороны. Мертвый Пастернак. И мы стоим среди других людей с Коржавиным.

«Мы постараемся, чтобы это не донесли до начальства», — пообещали милосердные сотрудники. И действительно не донесли.

— Ну, это у нас сделать никогда не поздно! Вот этим интервью и донесем. Незвестно еще, какие времена настанут вслед за нынешними. Вот как повернем вспять!...

— Общество уже настолько образовалось, что этому не позволят совершиться. Мы гораздо умнее и опытнее, чем, скажем, в семнадцатом году, когда толпу было так легко соблазнить лозунгами типа «Грабь награбленное!».

— По-моему, за грабежами-то у нас и сейчас дело не станет...

— Знаете, общество наше очень выросло за последнее время. Оно даже значительно обогнало в своем сознании депутатский корпус. Если из десяти только двое мечтают вернуться к старому — это хорошо.

— А как насчет «твердой руки»?

— Что касается крепкой власти — это нечто совсем другое. Может, скажем, в Швеции и неприлична жесткость, а нам, я считаю, в разумных пределах не повредит. Мы пока только говорим о демократии, но не слишком понимаем, что это такое. Это должно быть в генах. Ведь жить свободно — это прежде всего ЖИТЬ ПО ЗАКОНУ, не мешая друг другу. Беззаконие — не демократия, и пройдет много времени...

— Не кажется ли вам, что пока идет такая неразбериха, лучше года на два отъехать в традиционные демократические страны?

— Если уж драпать, так лет на тридцать — раньше «хорошей жизни» ждать не приходится. Сам я, правда, к побегам не склонен, но другим давать советов не могу... Я пишу на русском языке, у меня тут дом, друзья...

— Ну да, конечно. Вот недавно я, например, с некоторым удивлением узнала о вашей нежной дружбе с Лукьяновым...

— Вы слышали? Так это же Невзоров! Он сказал о том, что Окуджава — друг Лукьянова и предал его, не явившись на достопамятный вечер томящегося в тюрьме опального поэта. Но, помилуй Бог, я только однажды говорил с Лукьяновым по телефону — у меня было большое интервью в «Правде», он позвонил и сказал, что все написанное ему, а особенно Михаилу Сергеевичу Горбачеву, очень понравилось. Потом через общего знакомого я передал ему новую книжку с традиционной своей надписью: «Анатолию Ивановичу — сердечно — Б. Окуджава». А видел я его только по телевизору. По тому, как он вел Верховный Совет, у меня сложилось впечатление, что он очень опытный и поэтому необходимый чиновник. Я — непосвященный человек. Сейчас, как всякого пострадавшего, мне его жаль. Тем более что человек, пишущий стихи, нуждается в снисхождении...

— Интересная точка зрения! Говорят, «от сумы да от тюрьмы не зарекайся». Надо заранее становиться поэтом — на всякий случай. Но, скажите, вы не отрицаете суще-

ствования «современных злодеев», людей, которые очень мешают или в недавнем времени мешали нашему движению к «хорошей жизни»? Как с ними бороться?

— Прежде всего не делать из них «великих врагов». Смеяться над ними попросту! Одна пародия Хазанова на Жириновского оказалась действенной пяти десятков серьезных статей!

— Вы верите, что сатира может что-то изменить?

— Один из моих друзей заметил однажды, что мои жесты чем-то напоминают сталинские. И очень удачно мне это продемонстрировал. Сталин мне настолько отвратителен, что я почти ужаснулся и стал внимательнейшим образом следить за собой...

— А сами вы когда-нибудь над собой смеялись?

— Еще бы! Вот, например, мое первое появление во Франции. 1967 год. Я — турист. У меня девяносто франков. И, как всякий наш человек, я тайно мечтаю увидеть не только Лувр и Монпарнас, но и... порнографические открытки. Мне это тоже было интересно. Я этого никогда не видел. И, представьте, никак мне эти открытки нигде не попадают. Наконец, наша группа направляется в Нотр-Дам. Стоим все на знаменитой площади. Вдруг вижу, в толпе туристов шныряет молодой человек в фуражке, в кашне. Держит что-то в ладошках: раскроет-захлопнет. Я заглянул — ну, наконец-то! — вижу обнаженное женское тело.

— Сколько? — быстро спрашиваю.

— Двадцать франков.

Я сунул, он сунул, мы разошлись. Возвращаюсь в гостиницу. Забираюсь в номере, достаю набор открыточек и... О разочарованности! Это, оказывается, плохие фотографии картин великих мастеров! Из музеев Парижа. Я подумал: «Но почему же он продавал их ТАЙКОМ? Почему?» — только эта мысль и стучала. А потом понял — потому что он знает наши слабости. Увидел приезжего идиота и решил его облапошить. А я попался.

— Ох, Булат Шалвович, приезжайте к нашей редакции, к Савеловскому вокзалу, у нас этой порнухи!.. А теперь, когда читатели «Крокодила» составили мнение о вашем «любимом» жанре изобразительного искусства, позвольте услышать ваш

любимый анекдот. И расписаться в получении от вас подарка...

— Вот вы смеетесь надо мной, а я сейчас возьму да и рявкну, как тот генерал на не в меру прытких журналистов, «доставших» его своими вопросами: «Если вы такие умные, так почему вы строим не ходите?!» Я как раз не люблю ходить строем. А подарок к семидесятилетию «Крокодила» у меня — генеральский.

— Да что вы? Просто удивительно, одно к одному. Эдуард Успенский, представьте, тоже подарил нам «генеральскую лирику»! Вот мы сейчас возьмем и опубликуем вас по команде: «На первый-второй рассчитайся!»

Беседовала с поэтом
Наталья ГРАЧЕВА.

ПРО КОМАРА

Один военный генерал
Сидел себе и загорал.
В большом походном лежаке
Без шинели, налегке,
Слегка набросив китель,
Он был такой любитель.

Вокруг кипело лето.
На даче было это.
Был китель с орденами,
Но это между нами.

Он сидел себе, мечтал,
Строевой устав читал
И постепенно загорал...

А был отважный генерал
Повышенной нервозности.
Почти до невозможности.
И вдруг случается кошмар,
Вдруг появляется комар,
С таким огромным шприцем,
Что всем гражданским лицам
Смотреть и то уж страшно...
И вот он бесшабашно
Свое втыкает жало
В затылок генерала.

— Ах ты, мерзость!
Ах ты, гад!
Ах ты, подлый демократ!
На кого ты, гад, напал?
Дайте в руки мне напалм,
Бомбу или лазер,
Чтоб он повылазил!
Он напал в лице меня
Не на кошку и коня,
А на армию и флот,
На советский наш народ.

Генерал был очень скор,
Хватя топор и хватя багор.
Хватя флакон с аэрозолью
И за этой самой молью,
За этим насекомым
Помчался босиком он.

Так наперевес с багром
Он летит за комаром.
Он ужасно был упрямым,
В армии упрямым самым.

Потому что впал он в раж,
Забегал на женский пляж.
Над тетенькой раздетою
Промчался он ракетою.

— Вот ему я покажу
И детей не пощажу!
Маленьких детишек,
Жалких комаришек.
Он кусал в лице меня
Не собаку, не коня,
А всю армию и флот
И советский наш народ.

Иордан ПОПОВ,
главный редактор сатирической
газеты «Стыршел» (София):

Крокодил в монастыре

На юбилеях принято делиться воспоминаниями о герое торжества. Есть и мне что вспомнить. Расскажу об одном эпизоде твоего, Крокодил, пребывания в Болгарии.

Группа сатириков из разных стран направлялась в Габрово. Названия их журналов были словно взяты из справочника международной флоры и фауны. Естественно, был среди гостей и Крокодил, представленный своим главным редактором Алексеем Пьяновым.

По дороге заехали в старый болгарский монастырь. Встречал гостей игумен, который поздравил каждого на его языке, а Алексею Пьянову сказал по-русски:

— Между прочим, я многолетний подписчик «Крокодила».

На лице редактора, вероятно, отразилось недоверие. В те времена по протоколу требовалось говорить высоким гостям вежливые слова, даже если они не очень соответствовали истине. Заметив, что гость засомневался, игумен сказал:

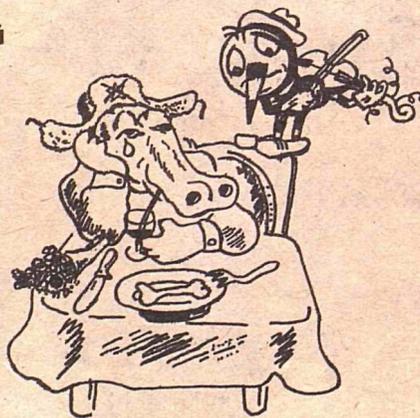

Рисунок Генчо СИМЕОНОВА.

— Вы, кажется, не верующий, так что вы можете мне не верить, но я сейчас принесу вам последний номер «Крокодила» и могу даже кое-что из него пересказать вам.

Все засмеялись и поверили игумену на слово. А я подумал: «Если игумен из дальнего балканского монастыря, оторванный от житейской суеты, читает сатирический журнал, значит, есть что-то ценное и привлекательное в профессии сатирика».

Так что, милый юбиляр, оставайся необходимым для современников.

Перевел Валерий ВЕСНИН.

Булат ОКУДЖАВА

СКАЛОЗУБ

Генералу М.

Всё умирает — только он живет.
Два века прочь — а он здоров и выжил.
По облику не то чтоб идиот,
а вот, поди ж ты, в генералы вышел.

По-прежнему тверды его шаги,
по-прежнему мерзка ему свобода,
опять мasons для него враги
и демократы из его народа.

Везде слышны напевы новых труб
и о свободе пламенные речи,
но... депутатом избран Скалозуб,
а значит, нам до праздника далече.

Эдуард УСПЕНСКИЙ

И ГЕНЕРАЛА

Он бежит, бежит, бежит
И от злости весь дрожит.

Вот загород,
Вот пригород,
А вот шоссе в Звенигород.
Вот знакомый огород,
Здесь старушечка живет,
Что растила молодца,
Значит — родственница.
Восемь лет не приезжал,
А тут взял и прибежал:

— Здравствуй, мой любимый
внучек,
Дай тебе я обниму.

— Ой, мне не до этих штучек,
Ой, мне это ни к чему.
Потому что я с багром
И гонюсь за комаром.
Он кусал в лице меня
Не собаку, не коня,
А советский наш народ,
То есть армию и флот.

А комар стал голосить
И о милости просить:

— Ты прости меня, паскуду,
Больше я кусать не буду.
Жало в узел завяжу!
И детишкам закажу!

Но услышал он в ответ:
— Нет.

Я бы сам тебя простил,
Но кого ты укусил?
Ты кусал в лице меня
Не собаку, не коня,
А всю армию и флот
И советский наш народ.
На кого ты поднял жало?
Нет, тебя зарезать мало.

И под сильный шум и гром
Пригвоздил его багром.
Так Георгий бил дракона
(Если помните — икона).
Наш комар приподнял лапки
И в момент отбросил тапки.

А великий генерал
Дальше тихо загорал...
Спокойно-судьбоносно,
Колхозно-сенокосно.

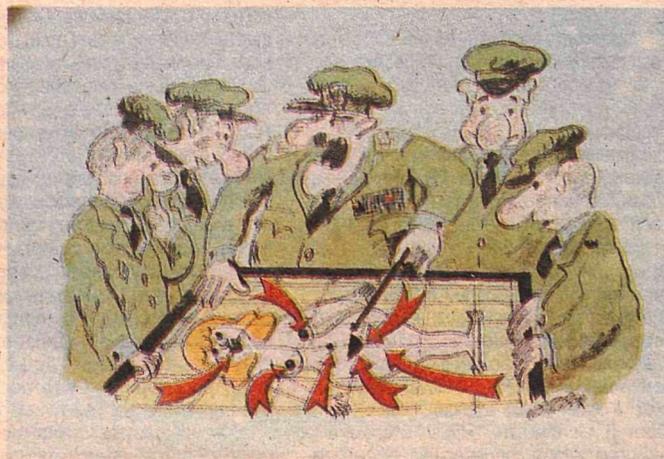
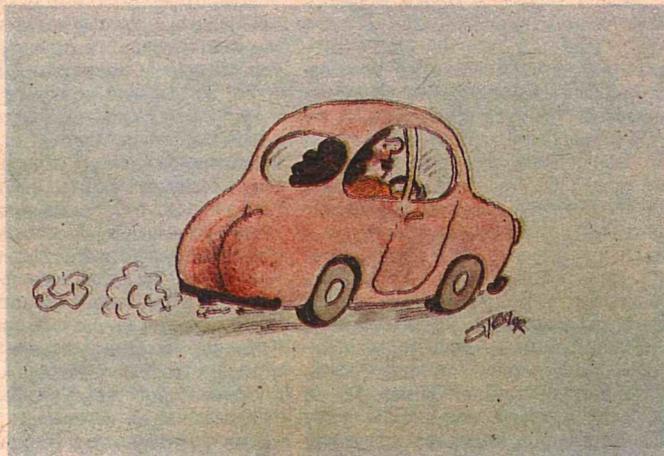
В перестройку было это,
И вокруг кипело лето.

ТАКИМИ, КАК ОН,
ГОРДИТСЯ СТРАНА.
И ЯСНО, ОТКУДА У НИХ
ОРДЕНА.

Главный художник журнала «Экран», давний друг Крокодила Олег ТЕСЛЕР положил на стол юбиляра эти фривольноватые картинки.

— Одной сатирой жив не будешь! — засмеялся Крокодил. — И да здравствует юмор!

ЕФИМ
ШИФРИН

ХОРОШО ХОДИТЬ ВВЕРХ НОГАМИ

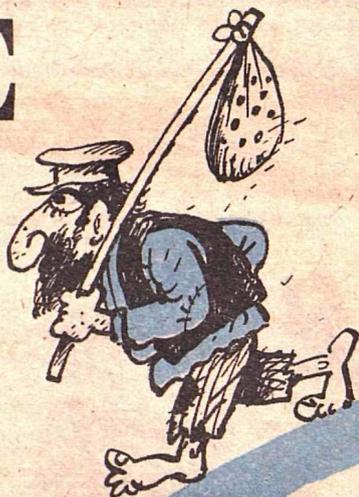
Недавно прошел слух, что ты, Крокодил, то ли в силу возраста, то ли из-за экологической обстановки, извини, умер. Я по этому поводу дико расстроился, поскольку не представляю, как можно лишиться печатного органа, который не был загружен нынешними сводками с поля боя. Приятно, что слухи о твоей смерти оказались несколько преувеличенными. Но что же юбиляру подарить смешного?

Самое смешное у нас сейчас — это ресторанное меню. Или, к примеру, список либерализованных цен. Обхохочешься. Но один знакомый мне сказал, что ничего смешного в этом нет, просто надо в воображении откидывать нолик в ценниках. А я его спрашиваю: ну, а в зарплате кто будет этот нолик накидывать обратно? Тогда знакомый, вздохнув, послал меня куда-то. Кажется, «в Белый дом». Но я отправился еще дальше. В Австралию. Знаешь, там ходят по улицам специальные трамваи. Платишь немного дорожке, но по ходу движения в трамвай подсаживаются актеры и устраивают сцены. Страшно скандалят, а к концу маршрута мирятся. Очень смешно, ни в какой театр не надо ходить.

Но мы-то пошли еще дальше! Наше великое преимущество состоит в том, что в общественном транспорте не требуется никаких актеров: у нас и без ГИТИСа все поставлено на профессиональном уровне. Такие разыгрываются сцены, что австралийцам и не снилось. И, главное, все совершенно бесплатно... А вообще там у них жуткий экономический спад. Знаешь, что это такое? Я сам видел. Это когда в магазинах все трещит от товаров, люди все сыты, но им кажется, что они живут хуже, чем в прошлом году. У нас с австралийцами явно разные представления об окружающем мире. Вероятно, потому, что они по отношению к нам ходят вверх ногами. Но если между нами, я предпочел бы тебе, Крокодил, в качестве подарка вот такой «спад». А ты бы, я уверен, поделился им со всеми-всеми-всеми!

НИЧТО НЕ

ВЕЧНО..

... даже Вечный жид. Однажды он нахамил Христу (он был тогда не вечным, а самым обычным смертным, пошлым иерусалимским обывателем) и понес за это странное, нелепое наказание: его приговорили к вечной жизни. (...)

Тем памятным днем он стоял у своего домишки с колодкой в руках, в холщовом фартуке, волосы подвязаны кожаным ремешком, когда со стороны Делароза надвинулось шествие. Впереди, согнувшись под тяжестью креста, шел молодой человек с рыжей бородкой, за ним по обыкновению четко печатали шаг римские солдаты, дальше толкались челядь и рабы первосвященника и бездельные жители Иерусалима, замыкали шествие плачущие и поддерживающие друг дружку женщины и несколько мрачных мужчин. Сапожник не сразу сообразил, что осужденный и есть тот Иисус из Назарета, который называл себя царем иудейским и проповедовал в храме. Шествие тянуло на лысый холм — Голгофу, где совершалась казнь способом распятия на кресте.

Иисус остановился у его дома, уронил крест на землю и сделал движение, словно хотел прислониться к стене. Агасфер увидел терновый венок у него на голове и капли засохшей крови там, где шипы впились в кожу. Он не питал ни зла, ни симпатии к этому молодому человеку, о котором говорили разное: одни прислушивались к его убежденным и туманным речам и даже допускали, что он пророк Илия, вновь вернувшийся на Землю, другие пожимали плечами, а книжники и фарисеи люто ненавидели, ибо он посягал на их авторитет. В Иерусалиме слухи распространяются раньше, нежели возникнут. Агасферу уже слышал, что римский прокуратор Понтий Пилат, соблюдая закон, предложил толпе на выбор: помиловать безвредного самозванца — «Царя иудейского» или разбойника Варраву, и все единым рыком выбрали последнего. Агасферу ни к чему было идти против общественного мнения, тем более что он собирался сменить профессию. Надоело возиться с вонючими кожами и дратвой, режущей ладони, хотелось открыть меньяльную контору. Он кое-что одкопил сам, сочетая трудолюбие с бережливостью, ловко давал деньги в рост, кое-что ему досталось от недавно умершего родственника — мытаря. То, что осужденный на позорную казнь выбрал его домишко для отдыха, пришлось Агасферу не по вкусу. Еще подумают, что сапожник его последователь. А толпа, злая, как и всякая толпа, низко мстя за вчерашнее поклонение тому, кого сегодня предала, осыпала осужденного бранью и насмешками. Благо бы прислужники Кайафы, нет, благонамеренные иерусалимские жители: торговцы, портные, плотники, пекари, шорники, жестянщики, ювелиры, писцы, сборщики податей. Иные из них станут клиентами новоиспеченного финансиста, и негоже ему с ними сориться. И он сказал идущему на Голгофу:

— Ступай отсюда. Здесь не подают.

Осужденный на распятие поднял измученное, залитое потом лицо с провалившимися темно-кариыми глазами. Сухие, расстрекшавшие губы медленно разомкнулись.

— Нет, я остановлюсь. А ты пойдешь.

Агасфер не был ни палачом, ни злодеем, ни даже жестоким человеком. Он был обывателем, то есть приличным человеком рядовых чувств и поступков, но ради своего блага мог в какую-то минуту оказаться и злодеем, и палачом. Сейчас на кон была поставлена меньяльная контора, и он не знал колебаний. Да и какое ему дело до этого преступника, осужденного и римской, и местной власти? Он громко, чтобы быть услышанным и стражниками, и толпой, крикнул:

— Ты идешь на смерть, так иди!

И толкнул его двумя кулаками в грудь. Странно, что этот истомленный, худой человек не только не отлетел прочь, но даже не пошатнулся. Он сказал тихо:

— Я пойду. Но ты не умрешь раньше, чем я вернусь.

— Значит, я никогда не умру, — усмехнулся Агасфер, далекий от мысли, что в эту минуту стал Вечным жидом. (...)

Агасфер не был ни честолюбив, ни тщеславен, да и чем было тщеславиться: оскорбил и ударил беспомощного человека? — но историю надо уважать, и в песне важна каждая строка. Время само выбирает из человеческой несметы тех, кто

должен сыграть на его подмостках. Христу положено было испытать еще одно унижение, наиболее для него горькое, ибо было нанесено не рабом, не челядинцем, не воином-латинянином, не слабоумным, а свободным гражданином в расцвете сил и соотечественником. Жест Агасфера обрел значение символа — Иисуса отверг коренной Иерусалим, которого он уповал обратить в свою веру. (...)

Его наказание не ограничивалось бессмертием, он был обречен на постоянное движение. Вот что значили слова: «... я остановлюсь, а ты пойдешь». Он и пошел, стал скитальцем, вечным странником, без постоянного жилища, без семьи и привязи к чему-либо. Подобное должно быть мучительно тучному, задышавшему коротышке, ленивцу, лежебоке, преданному семьянину, домо-седу, которому и за порог ступить боязно, но не поджарому атлету, перекати-поле, начисто лишеному семейных добродетелей: ему ходьба всегда была в удовольствие, а перемена мест — в радость. Он и с ремеслом своим сидячим мирился до поры лишь потому, что тачал обувь, в которой человек исхакивает землю. Но он всегда завидовал мытарям, ведь им по долгу службы надо много ходить, завидовал странникам и бродягам. Новая его профессия позволяла ему свободно перемещаться в пространстве. В меньяльных лавках он оставлял надежных людей, а сам бродил по земле, при каждой возможности учреждая новую контору. Все были в выигрыше: сбылось предсказание пророка, он вел здоровый, подвижный образ жизни, финансы процветали.

Если в первые двенадцать-тринадцать веков дела заставляли его обуздывать охоту к перемене мест, то с умножением банков в Европе и странах Леванта он получил полную свободу. Конечно, он не пустил свою финансовую империю в свободное плавание, но при нажитом громадном опыте, безошибочном нюхе и легкой руке мог не перенапрягаться и вольно служить бродячей страсти. В его владении находились и капитал Иуды, отдавшего ему перед самоубийством тридцать сребреников — цену предательства — с правом распоряжаться ими по своему усмотрению. Правда, с одной оговоркой: деньги можно пускать только на добрые дела. Но поскольку Вечный жид еще ни разу не столкнулся с таким делом, которое мог бы от чистого сердца считать добрым — все происходившее на его глазах было двусмысленным и этически сомнительным, — проценты росли на проценты, и тридцать монет давно превратились в миллионы. Словом, Вечный жид не нуждался в деньгах.

От всех невзгод, преследующих человека, Агасфера защищали: бессмертие, железное здоровье и несметное богатство. Он не был мучником страстей и неутолимым стремлений. Человек, довольно уравновешенный, он спокойно пил из неубывающей чаши бытия, исполняя все свои желания, не ведая ни в чем отказа. И, естественно, ему не удалось избежать того, что рано или поздно постигает баловней судьбы, — насыщения. (...)

За столько веков случилось лишь одно (для него. — **Ред.**) подлинно историческое событие: еврей лишились своей земли, своей родины и растеклись по всему свету. Древнейший народ (впрямую от первоисточников: Адама и Евы), давший столько славных имен, сложивший непревзойденную поэму «Ветхий завет» («Новый» тоже не плохо, но нет в нем таких вершин, как «Книга Руфь», «Притчи Соломона», «Плач Иеремии»), избранный Богом народ, перенесший невыразимые страдания и рабство, отстаивавший себя

В маленькой сатирической повести Юрия Нагибина «Ничто не вечно» поведено о том, как Вечный жид Агасфер еврейзировал все человечество и что из этого вышло прежде всего для самого реформатора. Оказалось, что ничто не вечно, даже Вечный жид.

Писатель дарит «Крокодилу» фрагменты своей повести, которая вскоре будет опубликована в его новой книге.

в непосильной борьбе с бесчисленными врагами, совершивший чудеса храбрости от дней Иисуса Навина, повергнувшего стены Иерихона, до Бар-Кохбы, на котором осеклись победоносные римляне, осиянный древней верой, сохранивший в мучительных испытаниях святость обычая, волнующую мощь языка и музыку души, изможденный римлянами и добитый арабами, оказался рассеянным в мировом пространстве, всюду гонимый, преследуемый, презираемый и ненавидимый. (...)

И Вечный жид, когда ему стало невмоготу от скуки, — после тщетных попыток самоубийства: веревка лопнула, яд лишь испортил ему желудок, кровь не вытекла из перерезанных склерозированных сосудов, кинжал миновал сердечный мускул, — нашел себе жизненную цель: положить конец унижению своих соплеменников. Возродить былое величие царства Иудейского — безнадёжная затея. Та крупица земли, где еще ютились несчастные, заторжанные, но стойкие в своей вере и обычаях евреи, была так захвата арабами, что смешно было думать создать тут самостоятельное государство. Если даже оно когда-нибудь возникнет, то будет вроде княжества Люксембург — географическая нелепица, не видная на карте. Естественной жизни у него не будет, ибо не собрать ему на своей пустынной, каменной, а главное, малой земле рассеянное по всему свету население...

И Вечный жид решил в одиночку устроить судьбу своего народа, который был ему так долго безразличен, а с наступлением старости вдруг стал слезно дорог. (...)

Для осуществления своего грандиозного проекта он располагал, помимо времени и здоровья, еще одним немаловажным фактором — деньгами — в неограниченном количестве. Последнее, на что он рассчитывал: знание жизни, знание людей, их страстей, пороков, слабостей, страхов. Он знал также, что имеются редкие исключения из правил, странные существа с незримой Божьей отметиной, на которых не распространяются общие законы низости, но их можно не принимать во внимание в больших житейских расчетах. Ибо в пестром и безобразном человеческом хороводе эти святые вырожденцы ничего не стоят, их значение равно нулю, хотя окружающие притворяются, будто чтут их как нравственных кумиров и делают с них свою жизнь.

Он понимал, какую тяжкую ношу готов взвалить на себя, и чувствовал, что она ему по силам. Он оживит весь мир, все человечество до последней особи. Превратит в евреев жителей пяти континентов, туземцев Океании, обитателей существующей наособь Гренландии, снежного человека Гималаев, даже больших обезьян, собравшихся в люди, если верна теория Дарвина, еще не появившаяся на свет в пору первых размышлений Агасфера о его миссии, но он так долго жил, так много думал и знал о существе сущего, что научился помнить не только «назад», но и «вперед».

Превратить многонациональную планету Земля в Землю Евреев — этим будет заполнена его жизнь в ближайшие столетия. (...)

То была неустанная, кропотливая, растянутая в веках работа, отнюдь не романтическая, безжалостно жестокая, костоломно бесчеловечная, ведь история иначе не делается, она каждый свой храм ставит на крови. Самый неблагоуханный из подвигов Геракла — очистка авгиевых конюшен куда опрятнее небрежливых трудов Агасфера.

Все собиралось по крупицам, и поначалу не приметно было даже малого успеха, хотя бы продвижения к поставленной цели, напротив, каза-

лось, что Вечный жид совершает движение в обратную сторону. Надо отдать ему справедливость, он не впадал в уныние от крупных провалов, а спокойно начинал все сначала. Он старался тщательно продумать, рассчитать каждый шаг, но и это не гарантировало успеха. Он стойко держал удары, терпеливо вносил коррективы в свои расчеты, но характер у него портился.

Прежде такой подтянутый, сдержанный, всегда соответствующий обычаям, этикету, правилам вежливости той страны и той среды, где ему приходилось действовать, он стал неряшлив, груб, небрежен в словах и жестах. Оказалось, все это совершенно не нужно для того дела, которое он задумал, как и ловкая политичность, тонкая лесть, умение очаровывать. Его оружием стали: деньги, деньги и деньги, затем интриги, силовой напор, в основе которого, как правило, лежал шантаж, умелая и грубая игра на социальных и расовых противоречиях. Можно душить с нежной улыбкой, можно ставить человека на колени, щадя при этом какие-то хрупкие ценности в его душе. Вечный жид прежде так и поступал, но потом сбросил маску. Впрочем, трудно сказать, была ли это маска. Возможно, он стал другим, в нем сменилась кровь. Быть может, он лучше узнал людей, прежде всего власть и силу имущих, и преисполнился великого презрения к ним. И еще он узнал, что заинтересованного в тебе человека невозможно обидеть. А поскольку все люди чего-то хотят друг от друга, человечество не обидчиво. Он умел этим пользоваться. (...)

В эту пору Агасфер уже вовсе неглижировал как внешностью, так и манерой поведения, тем более что Николай (I. — **Ред.**) ему резко не нравился: коломенская верста, хвостун, удачник, дуботол и скрытый трус.

Агасфер приходил к нему в самом непотребном виде, всегда голодный и недовольный. Впоследствии, когда он прочел «Бесы» Достоевского, его веселило, что он предвосхитил манеру поведения Петра Верховенского с Кармазиновым (карикатура на другого знаменитого русского писателя Тургенева, которого Вечный жид не мог осилить); тут нет ничего удивительного: Достоевский мастерски изобразил тип парвеню, личину которого надевал и Агасфер.

— Как дела, отец-командир? — похохатывая, спрашивал Николай, маскируя смехом свой страх перед жутким посетителем.

— Я тебе не дурак Паскевич, — хамил Вечный жид.

Николай проходил военную службу под командой будущего князя Эриванского и навсегда сохранил пиетет к нему.

— Жрать хочу, — продолжал Вечный жид, развалясь в кресле и швырнув на стол свой местечковый картуз. — И вина вина самосского подать, а не вашу кислятину. (...)

— Сейчас сделаем, — отозвался император с готовностью расторопного полового. — Ростбиф пойдет?

— Кошерный? — спросил Вечный жид.

— Откуда же кошерной пище взяться, отец-командир? Вы бы предупредили.

— Я иду с фиордов. Как мог я предупредить?

— Может, рыбки? Лабарданчика, семужки или сига онежского?

— Гедилтер фиш.

— За щукой посылать надо на рынок. Вы пождете?

Агасферу есть не хотелось, он вообще мог обходиться без пищи сколько угодно. Но, неизвестно почему, войдя в образ Петра Верховенского, он не мог из него выйти. А Верховенский отнял котлетку у Кармазинова и вином заставил поделиться неторопного писателя. Кроме того, ему приятно было умучить Николая русским языком, которым тот плохо владел. Он говорил: «пушай», «надысь», «лжить», «армия». Удивляться тут нечему: французскому его обучал бежавший от революции обитатель Сен-Жерменского предместья, а русский он постигал преимущественно в девичьей. После долгих ломаний Агасфера сговорились на гурьевской кашке. Николай отдал распоряжение, после чего занялись делами и, к великому облегчению царя, перешли на французский язык.

Агасфера интересовало, как идет внедрение евреев в дворянские роды. Николай подготовил список. С удовлетворением отметил Агасфер «Абрамовича» Баратынского, бесконечных «Абрамовичей» по материнской линии у национального русского поэта Пушкина, даже один «Исакович» затесался.

— Хорошенько проверь этих Абрамовичей, — наказал он Николаю. — У вас в России ни на что нельзя положиться, сплошной бардак... О чем я еще хотел спросить?... Лермонтова убрали?

— Будет сделано, отец-командир. Соломоныч уже заложил пулю.

— Не тяни, Николае. Такие, как Лермонтов, — рыба кость в горле еврейского народа.

— Почему? — удивился царь.

— Он против шинков. Не дает спить богатыря.

Николай внимательно посмотрел на Агасфера, которому как раз подали гурьевскую кашу, благоухающую ванилью, и он начал неопытно, чавкая ея. Что он несет? Неужели и этого колдуна постигло старческое слабоумие? Но Вечный жид знал, что говорит: следуя на Кавказ, Лермонтов, по свидетельству сопровождавших его офицеров Монго Столыпина и Коко Бурляева, агитировал против шинков. Николай успокоил Агасфера: богатыря прекрасно обходится кабаками, трактирами, кружалами, пивными, полпивными, кроме того, гонит домашнее вино вопреки всем запретам и не нуждается в помощи шинкарей. Русская бочка полна до краев. Вечный жид немного отмяк. Где пьянство, там половая распущенность, а тут не до чистоты крови.

После этого Вечный жид собрался на покой. Ему завтра в Китай двинуть — путь не близкий и не торный, надо хорошенько выспаться. Николай заинтересовался, как идет жидофикация Небесной империи. Тут нет затруднений. Вечный жид еще в прошлом веке пригнал туда полсотни галер с еврейскими рабами и, дав им вольную, запустил в китайское население. Они расплодилось с невиданной силой. Китайские дамы в один голос утверждают, что с обрезаемыми кавалерами приятно иметь дело, кроме того, дети от смешанных браков рождаются с узкими глазами и вполне сходят за китайцев. Но ему надо проследить, чтобы еврейская кровь не слишком разжижалась.

Николай предложил положить Агасфера в малом кабинете.

— Нет, в египетском зале Эрмитажа. Хочу завтра вывести себя оттуда, как Моисей евреев из Египта. И люблю я высокие потолки, они напоминают мне небо Израила.

Николай не знал, как реагировать на слова Агасфера, содержавшие шутку и ностальгическое чувство. Он усмехнулся и тут же утер слезу, что не произвело на Вечного жида никакого впечатления...

...История порой шла навстречу Вечному жиду, так было с Америкой, страной смелых, чистых духом индейцев, захваченной испанскими авантюристами. К испанцам, потеснив их, присоединилась голландская, французская и английская протер. В конце концов англичане выставили всех и создали самостоятельное, противостоявшее Англии государство, как-то незаметно превратившееся в Ново-Иудею. Во всяком случае, когда Агасфер там появился, то сразу понял, что здесь ему делать нечего. Все шло своим путем в нужном направлении.

Но чаще всего Агасферу приходилось строить историю, особенно много хлопот доставляла ему Россия. Куда более сложные, порой головоломные проблемы решались с завидной легкостью, а здесь он увязал, как в болоте, в русской простоте. Жидофицировать Африку с громадным арабским населением, исконно враждебным евреям, оказалось вовсе не так сложно. Помогало и то, что местные евреи ничем не отличались от коренного населения: смуглый цвет кожи, темные глубокие глаза, курчавые волосы, длинные жесты, идущие как бы из живота. Иное дело Россия!..

Вечный жид произвел революцию, даже не одну. Не дав стране справиться после свержения несчастного царя, он прислал в залпобитованном вагоне Ульянова-Бланка, более известного под псевдонимом Ленин, и тот устроил революцию уже по-настоящему — с резней, расстрелами, гражданской войной. И закрутился на одной шестой части земной суши тот ошеломляющий шаш, который расшатал и оморожил весь мир... (...)

...От века чуждые политической жизни евреи устремились в политику. Другие сели на коней и стали размахивать шашкой, это не соответствовало намерениям Вечного жида. Ему вовсе не хотелось, чтобы еврей стал всемирным пугалом, его ампула — страдалец, жертва, а не торжествующий дракон-провизор. Вообще к всеобщему, единому и вечному еврейскому царству на земле, которое создавал Агасфер, вели иные пути. Евреи вышли из повиновения, надо было срочно обуздать их.

Вечный жид остановил свой выбор на выходе из Грузии, агенте царской охранки, грабители и убийце Сосо Джугашвили и начал готовить его в диктаторы. (...)

Будучи человеком осторожным, Сталин до поры скрывал свой антисемитизм. Он постоянно держал при себе на самых видных ролях (...) Кагановича, который потом жил так долго, что пошел слух, будто он и есть Вечный жид. Оскорбленный Агасфер прихлопнул старого клопа где-то на со-

том году его ползучей жизни. Никогда не было столько смешанных браков, как в сталинские времена, люди, по обыкновению доверчивые и неосмотрительные, верили его трепотне о дружбе народов, интернационализме и прочих марксистских благоглупостях. Используя еврейский энтузиазм, слепую преданность революции и зашоренность восторга соучастия в государственной жизни, Сталин многие грязные дела делал их руками, а потом уничтожал. Вечный жид терпимо относился к этой игре, поскольку жидкая струя еврейской лимфы не шла в сравнение с потоком русской крови. Важно было ослабить, обескровить, оглушить могучую Россию, а это Сталин делал неукоснительно. (...)

Разрушать, губить, убивать, истреблять — совсем не хитрая наука, гораздо труднее создать даже малый элемент добра, для этого нужна хотя какая-то одухотворенность. (...)

Сосо был пуст, как сгнивший орех. Он пришел на готовое: и метод, и рычаги истребления уже были созданы его картами предшественником, от него ничего не требовалось, кроме готовности убивать, этой готовностью он обладал. Его плоский схематический умишко не родил ни одной мысли, ни одного острого слова, скучный, бездарный, необаятельный, с плохой речью, он был внешне безобразен и плюгав.

Но Сталин был нужен Вечному жиду для осуществления самого крупного и подлого замысла: второй мировой войны.

Пора было резко двинуть вперед еврейское дело, которое начало топтаться на месте. Нужен был, как говорится в классическом марксизме, революционный скачок. В невероятной деятельности Вечного жида не было ничего равного по дерзости и масштабу. И что самое замечательное: вплоть до начала девяностых годов, когда безвестный доселе ученый Климов опубликовал на страницах «Нашего соотрапезника» (самого страшного для Вечного жида издания) свое открытие, никто не догадывался об истинных пружинах мировой бойни. Только тогда люди узнали, кто были на самом деле так называемые «истребители евреев», творцы геноцида, создатели лагерей уничтожения и камер смерти. (...)

...Военные действия мало интересовали Вечного жида. Его главные заботы были связаны с геноцидом, поэтому он лично следил за организацией лагерей уничтожения. Считалось, что там сжигали главным образом евреев, остальных же лишь за лагерные провинности: бунт, попытку бегства. Ничего подобного. Патриотическая печать разоблачила очередную сионистскую «утку»: сжигали русских парней, а евреев лишь подмешивали для вида. И это естественно, поскольку все лагерное начальство, охрана, надзиратели и палачи были евреями. Ведь в эсэсовские части, как и в гестапо, как и в личную охрану Гитлера, брали только евреев. Без пятого пункта туда и соваться было нечего. (...)

Вечный жид выиграл вторую мировую войну. Советские хвастуны, сидя на развалинах своей страны, трубили о победе, союзники были куда скромнее, но тоже славили викторию (кроме Черчилля), и лишь десятилетия спустя стали робко поговаривать, что войну, похоже, выиграла побежденная Германия и Япония. Это чепуха, настоящий победитель был один: Вечный жид. Он заразил весь мир сочувствием к евреям, а немцев — мукой непреходящей вины и раскаяния, из черных дымов лагерных печей создал государство Израиль, о котором нечего было бы мечтать, если бы не мнимый геноцид открыл шлюзы еврейской эмиграции в Америку, Израиль, Германию, заодно наводнил евреями такую чистую прежде страну, как Италия; через американских евреев военной базы на Окинаве повел половое наступление на японский народ и с подобных же баз — на филиппинцев и киприотов. А еще он сделал евреев модными, чем невероятно увеличил количество смешанных браков. Прежде коренное население многих стран, мирившихся с присутствием евреев на их территории, но державших их на расстоянии, было жидоустойчиво, теперь же под укоризненными взорами девочки Анны Франк и учителя Корчака все как полоумные кинулись в еврейские объятия. Австрия объевреилась окончательно, не отстало и княжество Лихтенштейн. Берлинская стена долгое время охраняла хоть часть Германии от еврейского напора, но Вечный жид ее опрокинул. Впрочем, еще до этого там хорошо похозяйничали открытые Вечным жидам от возмездия эсэсовцы и гестаповцы, сплошь, как мы знаем, евреи. (...)

И снова Россия, великая, непредсказуемая, загадочная Россия, которую не понять умом, не измерить общим аршином, тяжело озадачила величайшего в мире интригана. (...)

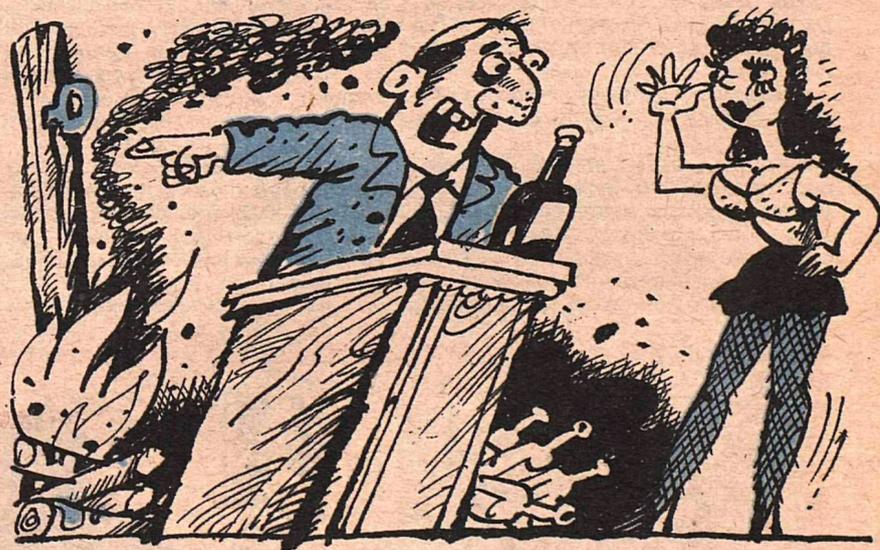
Хотел он всех под свой устав подвести, а патриотические силы разгадали черный умысел,

путь и по-прежнему слепо возводили его к мифическим сионским мудрецам, но все остальное высчитали безошибочно. Даже то, что Агасфер считал навеки похороненным в его темной душе, прозрели свежий ум и девственное сердце: национал-социализм еврейского корня, геноцид — еврейское преступление. В чудовищном цинизме своего плана выдвигая Вечный жид гарантию тайны, но она открылась просветленным. Всполошным звоном прозвучали голоса патриотических изданий, сулящих измученному народу живую воду погромов. (...)

Феноменальная и коварная предусмотрительность Вечного жида разрушила столь тщательно и вдохновенно разработанные планы спасителя России.

Вечный жид знал, что в чистой России нет места стерильнее, чем ее северная окраина, называемая Поморьем. Здесь не знали ни татарского, ни польского, ни французского нашествия, ни крепостного ига, не видели ни псов-рыцарей, ни остзейских, голштинских, мекленбургских и прочих немцев, ни евреев, ни чечено-ингушей, никакой инородной нечисти, сохранив прозрачную кровь, в которой пела соль Ледовитого океана. Недаром же откуда пришел дивный холмогорский мальчик и создал отечественную науку, реформировал стихосложение, возродил пребывающее в упадке искусство художество, основал Академию наук, сформулировал закон сохранения вещества.

И вот туда заслал Агасфер рыжего, голубоглазого провизора, маленького, худенького, розовощекого блондинчика, сластолюбивого, как павиан, и неотвязного, как репей. Не хочется говорить о постыдных подвигах этого любострастника среди простодушных и доверчивых дочерей тихой, как ночной шепот, стороны. Когда же поняли те, что этот вкрадчивый обольститель ко всем своим подлостям еще и женат и никогда не бросит верную Сарру с кучей жиденят, упрятанных в Беловежской пуце, то стали бегать от него, как черт от ладана. Но упорен был охальник. Одна девушка бежала от него на неоседланной лошади, потом на оленях, впряженных в легкие нарты, наконец, на собаках-лайках, но так и не могла оторваться от преследователя. Против острова Вайгач она соскочила с саней, перешагнув через павших от усталости псов с высунутыми потными стекленючими языками и ступила на зыбкий лед. Она почти достигла острова, когда на последней льдине провизор настиг несчастную и на заплеске, вдавив ее

тело в ледяную стужу, овладел девичеством. И тут же повернул назад. Не утруждая себя сдачей аптеки с остатками тройчатки, касторового масла, детских клистиров и пластыря, он умчался сперва на лошадах, потом по чугунке в свою пуцу.

Поморы живучи, бедная девушка добралась до берега и после мучительных странствий нашла приют у добрых немцев. Вернуться домой она не решилась, не уверенная в том, кого произведет на свет. Ведь мог же младенец унаследовать отцовский шнобель, торчащие уши, картавость. Бог милостив: справным родился сыночек. На круглой мордашке торчал нос — пуговкой, аккуратные ушки прижаты к голове, глазки лазурные — славынские, хотя унаследованы от папы-еврея, как и светлые волосы, — мать была кареглазой шатенкой. Когда подросток открылось, что он и не картавит нисколько, любо-дорого было слушать его звонкое «р». Куда хуже оказались другие дары папы-провизора своему сыну: крошечный рост и чрезмерная склонность к женскому полу, обнаружившаяся в весьма нежном возрасте. И вторичные признаки пола соответствовали его ранней

мужественности: в шестом классе он запустил густую золотистую бороду и лихие усы. Маленький бородатый школьник вызывал любопытство, смешанное с легким ужасом. Школу он не кончил, пришлось срочно бежать от разгневанных оленеводов, чье завидное долготерпение сын провизора сумел взорвать, оброхотив всю школу.

Таким образом, Вечный жид темными своими наитием похода решил проблему Крайнего Севера — уже не остановить было отравленной струи.

Мать и сын решили проложить между собой и оскорбленным северным народом много длинных русских верст, бежали они до самого Олоньца близ Ладого и лишь там отважились остановиться. В школу юный Савелий Морощкин — он носил фамилию матери — не пошел, ибо пережитое потрясение вывело наружу тот поэтический дар, который в самом непродолжительном времени принес ему всесоюзную, а там и мировую славу.

Опасное женолобие с годами увяло, вытесненное другой страстью — к вину, унаследованной от материнских предков. Это ничуть не портило репутации Морощкина, напротив, делало его нежно, слезно (...) близким читателям-соотечкам. От матери унаследовал Морощкин и лютую ненависть к евреям. Естественно, что он стал лидером и трубачом патриотического движения. Но никто не предполагал, что он окажется миной замедленного действия, которую Вечный жид почти наугад подложил под будущее России.

Это случилось в те незабвенные дни, которые могли стать началом конца жидомасонского заговора через повальное истребление и самих заговорщиков, и той среды, что питала заговор.

Уже была объявлена дата выступления, наточены ножи, набиты свинчаткой палки, изготовлены велосипедные цепи, напильники, валики с мокрым песком, запасено и горячее оружие с боеприпасами, баллончиками с «Черемухой», веревки и крючья, и вдруг все рухнуло.

Некоторое время назад допившийся до полной несостоятельности Морощкин стал блюстителем добрых нравов, охранителем священных заветов домостроя. Корень зла Морощкин видел в растлевающем исконную русскую нравственность влиянии инородцев. Натура страстная и безудержная, а только таким бывает истинный поэт, он стал требовать, помимо ликвидации евреев, сожжения проституток, в первую очередь валютных, как

в средневековье сжигали на кострах ведьм. Этого его призыва всерьез никто не принимал, считая поэтическим переклестом, даже проститутки не обижались на своего любимого певца. Но однажды во время его публичного выступления, исполненного огневальных заклинаний, девица с платиновой головой крикнула из публики новоявленному Торквемаде:

— Пить надо меньше!

И это ходячее, пустое, истаканное выражение вдруг оглушило Морощкина. Он разом уверился, что алкоголь — главная причина порчи нравов и заката России, а инородцы — потом. И разразился программной статьей о тему пережитого озарения. В своем манифесте он потребовал полного запрещения всех алкогольных напитков, включая пиво, и смертной казни для самогонщиков. Перепуганный народ, увидев, куда ведут его патриоты, сказал решительное «Нет!» Варфоломеевской ночи. Лучше остаться с жидами и с водкой, чем без того и без другого. Это был нокаут патриотическим силам...

(Окончание следует.)

ДОМ

Ода

Дом новый старый светлый темный
Аляповатый светский скромный
Многоэтажный и стеклянный
Руками слепленный саманный
Простуженный огромный ветхий
Где лифт ползет в зеленой сетке
Кирпичный блочный крупноблочный
Обменный коммунальный склочный
Фабричный экспериментальный
Космический мемориальный
Гостеприимный близкий дальний
Родной родимый свой чужой

Иметь купить продать построить
сдать в эксплуатацию разрушить
восстановить отремонтировать
покрасить и покрыть железом
застраховать сфотографировать
закрыть открыть любить засрать
не посещать ломать третировать
разворовать и раскурочить
поджечь взорвать снести спасти

Прийти домой, остаться дома
дом убирать, бояться дома

они — домой, а я — из дома
бродить ночами возле дома
скучать по дому, злиться дома
дом обожать, резвиться дома
добраться наконец до дома
и навсегда уйти из дома

А дома — дом и все домашнее:
быт обстановка обстоятельства
дела заботы неприятности
пирог варенье туфли радости
обед хозяйство воспитание
собака кошка все домашние —
такие милые домашние! —
и пробуждение домашнее
и настроение домашнее
и точка зрения домашняя —
мировоззрение домашнее
друзья любимые привычки
тарелка чашка муха спички

Дом — календарь событий памятных
дом — колыбель и он же — памятник
гнездо нора пещера клетка
храм конура дыра конфетка
приобретение утрата
и ринг в дыму, где брат — на брата
провалы пропасти высоты
где затхлостью пропахли соты
где страх тоска и одиночество
где все живут не так, как хочется
где смотрят в дырку телевизора
где приезжает смерть без вызова
любовью полон сном речами
и всю-то ночь бренчит ключами

КТО
СТАРОЕ
ВСПОМНЯЕТ

КАК ЛЕОНИД ЛЕНЧ ИЗУЧАЛ МАРКСИЗМ- ЛЕНИНИЗМ

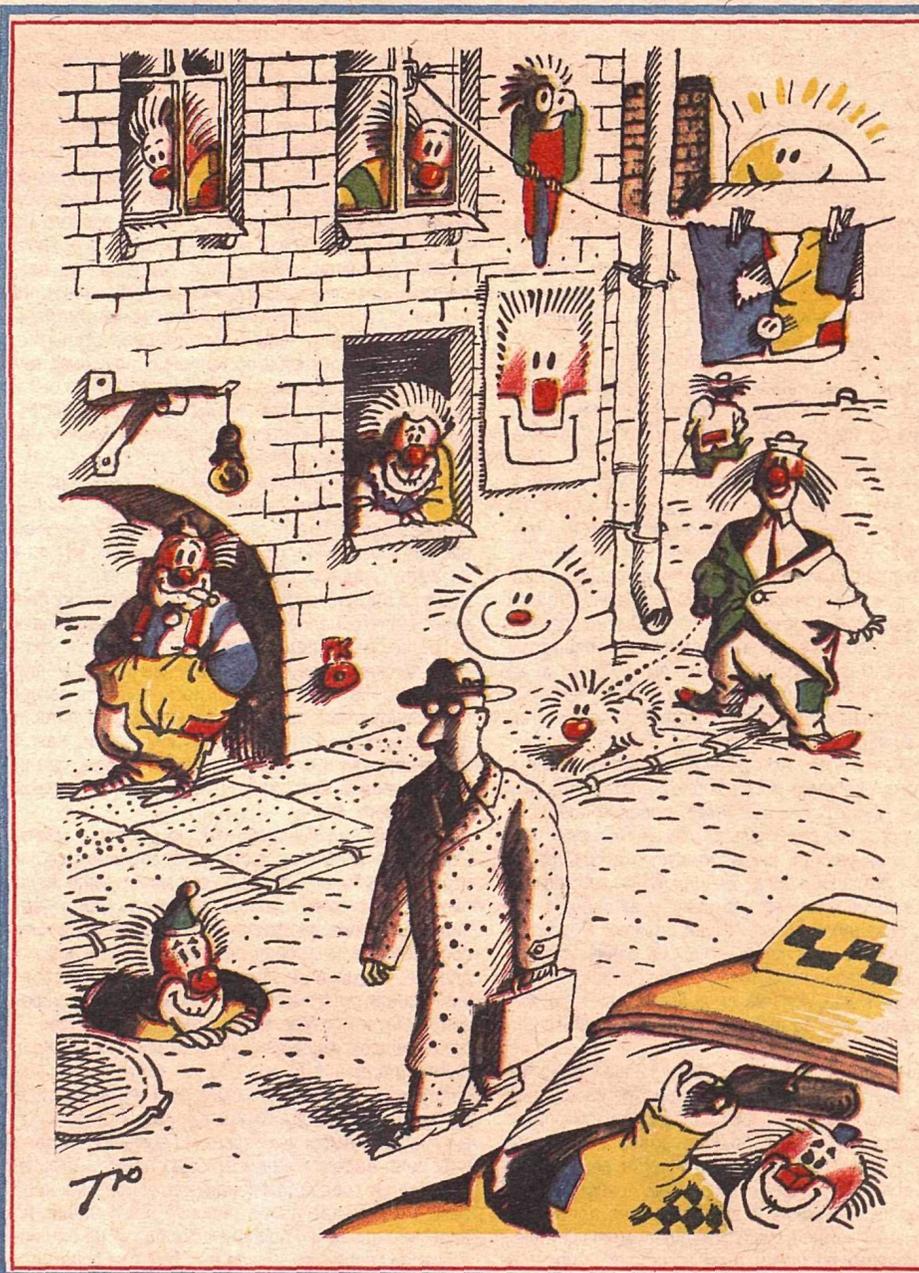
В этот юбилейный день, поздравляя всех крокодилцев, крокодилят и крокодилиц с днем рождения, я с особой теплотой вспоминаю моих старших собратьев по перу, с которыми мне, совсем молодому крокодиленку, в те далекие годы довелось подружиться: Рыклин, Эмиль Кроткий, Пустынин и, конечно же, Леонид Ленч.

Читатели «Крокодила», я думаю, до

сих пор помнят его улыбку, известную по многочисленным дружеским шаржам. Он был весь в этой улыбке, веселой, как смеющийся полумесяц, в улыбке, которую можно было бы сразу подписать в набор в любом юмористическом издании.

Помню, как однажды, на весьма серьезном и строгом заседании партийного комитета Московской писательской организации, подводившем итоги работы партийно-просветительской сети за минувший год, появилась эта улыбка, а за нею — сам Леонид Ленч в ослепительно светлом костюме.

В те годы индивидуальная партийная учеба писателей — святая святых в деятельности парткома — была под бдительным надзором районного комитета партии, и потому не только первый секретарь райкома присутствовал на этом ответственном экзамене, но и корреспондент одной из центральных газет.

КТО
СТАРОЕ
ВСПОМНЯЕТ

Марк ВАЙСБОРД

КАТАЕВ ПОД ЗАМКОМ

Одно время Валентин Петрович Катаев был частым гостем на страницах журнала «Крокодил», больше того, уважаемым и хорошо читаемым. Постепенно большая литература «увела» его из тонкого журнала, и читатель лишился любимого автора. Отдельные и редкие выступления подогревали интерес. Перед редакцией стояла задача, как вернуть автора.

Заходил он в редакцию «просто так» редко, и общение с ним было минимальное.

И вот однажды Валентин Петрович посетил «Крокодил» по каким-то делам, но главного редактора не оказалось на месте. Просили подождать, представили кабинет и... заперли его на ключ. Был предьявлен ультиматум: или рассказ, или... Вроде шутка, но оказалась

небезобидной. Через некоторое время писатель сдался и попросил выпустить его.

И что вы думаете?

Дверь открылась, и Валентин Петрович предстал с рассказом, который и был напечатан в одном из ближайших номеров.

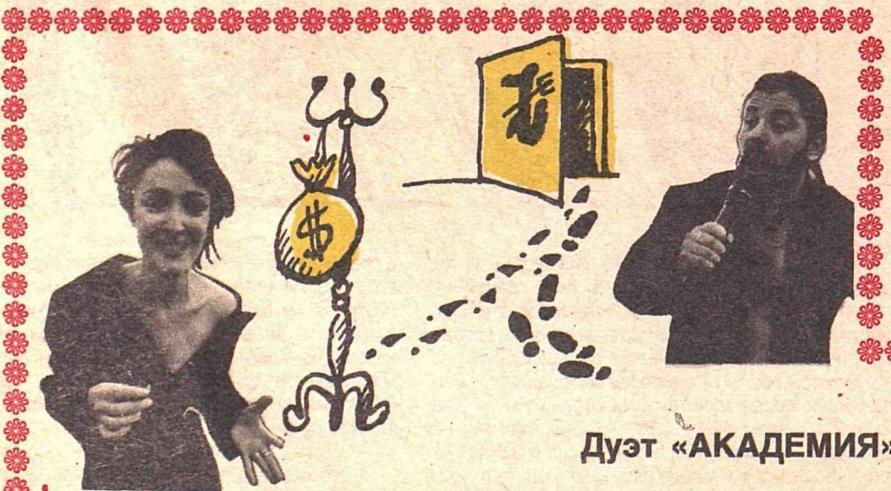
ПРОРОКОВ И ЕГО КОМАНДА

Борис Михайлович Лео до приезда в Москву жил и работал в Ленинграде. Воевал на Ленинградском фронте. Прошел Ленинградскую блокаду. Приехав в Москву, он первым делом появился в «Крокодиле», принес свои рисунки (а художник он был истинный!).

Рассказал свою историю и как-то быстро пришелся «ко двору».

Борис Иванович Пророков, будучи в то время главным художником, просмотрев многочисленные рисунки художника (причем сделанные в разной манере!), даже воскликнул, обращаясь «к своим»:

— На Лео р-р-равняйся!..

Дуэт «АКАДЕМИЯ»:

УЖАСНЫЙ СЕКРЕТ И ИГРА В РУЛЕТКУ

САША. У нас есть самый большой секрет, о котором мы собирались в свое время громко, с экранов ТВ, поведать народу. Но раз у Крокодила юбилей, а мы так любим этот журнал, то решили подарить этот ужасный секрет вам.

Дело в том, что четыре года назад вы

бы нас не узнали — я был высоким, стройным и ослепительно красивым блондином с голубыми глазами. Ростом метр девяносто шесть. Косая сажень в плечах. Эдакий русский или средневропейский богатырь. А Лолита была совсем крошечной — метр сорок ростом. А по комплекции — колобок. Маленький

жиртест, как выражаются дети. И когда мы встретились, познакомились и решили вместе работать, то поняли: ничего не получится. Такие, как есть, мы никому не нужны. Во-первых, крошечные, толстые женщины пользуются меньшим успехом, чем высокие и стройные. А женщины говорят: высокие, красивые мужчины, как правило, дураки. От себя лично, сегодняшнего, и вообще от лица всех толстых, пузатых и маленьких я целиком с этим согласен.

Так вот, прадедушка Лолиты жил в Австралии и, когда умер, оставил ей наследство — 27,5 тысячи долларов. Мы кое-что еще добавили от себя, немного нам друзья помогли. В общем, соб-

рали необходимые деньги, поехали в Австралию и сделали там гластические операции. Меня засунули под пресс. А Лолиту вытягивали. Я думаю, ей досталось меньше.

ЛОЛИТА. Почему это меньше? Меня очень сильно вытягивали.

САША. Меньше. Потому что меня ведь прессом по голове долбили. А это, я честно скажу, очень больно... Вот вам наш самый большой секрет, который мы столько времени никому не открывали.

ЛОЛИТА. Но нас ведь двое. Значит, надо два подарка. Давай подарим еще мою беспрюграммную систему игры в рулетку.

САША. Самая большая страсть Ло-

Когда дело дошло до Ленча, старейший член парткома Бахметьев — старик с высохшим пожелтевшим лицом — посмотрел на экзаменуемого пасмурными глазами и задал первый вопрос:

— Скажите, товарищ Ленч, чем отличается позиция Ленина в отношении союза рабочего класса с крестьянством в 1905-м и в 1917 году?

Ленч буквально просял.

— Дорогие товарищи, — сказал он, — мне задан именно тот вопрос, изучению которого я посвятил несколько лет своей жизни, прочитав десятки книг по теории марксизма-ленинизма. Это меня так увлекло, что я, городской человек, работаю сейчас над трагедией из жизни русской деревни.

— Простите, — вмешался в разговор корреспондент центральной газеты, — о чем ваша трагедия?

— О судьбе крестьянина, о роли его в нашей революции.

— Очень хорошо! — улыбнулся секретарь райкома. — Значит, партийная учеба на деле помогает нашим известным писателям в творчестве, как идеологическое оружие в бою.

— Хотя бы несколько слов о сюжете трагедии, — попросил корреспондент.

— Моя трагедия — о героической гибели от руки кулаков борца за народное дело.

— Хорошая задумка! — поддакнул один из членов парткома, думавший о чем-то своем. — Это должно получиться у вас, нашего прекрасного юмориста, очень смешно...

— Простите, — вмешался в разговор вездливый старик Бахметьев. — Но все-таки, товарищ Ленч, вы нам не ответили на поставленный вопрос: чем отличается позиция Ленина в отношении союза рабочего класса с крестьянством в 1905-м и 1917 году?

Ленч посмотрел на него с явным уди-

влением:

— Позиция Ленина была весьма серьезной, исторически прозорливой, работа над его трудами просто открыла мне глаза. Я увидел все события в ином свете.

— Очень хорошо! — внушительно произнес секретарь обкома. — Очень хорошо!

— И все-таки вы нам не ответили, — снова вмешался старик Бахметьев, — чем же отличается...

— Товарищ Бахметьев, — гневно перебил его секретарь парткома, — я попросил вас вести себя тактичнее. По-моему, все ясно. Спасибо, товарищ Ленч.

А через день я прочитал в центральной газете заметку «Писатели изучают марксизм-ленинизм», где особенно похвально говорилось о Леониде Сергеевиче Ленче.

Николай ДОРИЗО.

Даниил ГРАНИН

ЧАС СВИДАНИЯ

★ ★ ★

Должен был посетить Дом творчества писателей в Варне сам Тодор Живков. Стали спешно готовиться, чистить, красить, расстилать ковры. Вдруг за два часа до визита кто-то обратил внимание на ласточкины гнезда. Их было великое множество на деревьях в парке и под главной террасой. А вдруг нагадят на головы гостей? Вооружились шестами и пошибали все гнезда. Ласточки стали носиться как безумные, загадили все и всех, и самого Живкова.

★ ★ ★

А женатый, двое детей, связался с одной, опять же замужней, бабой. Обычное дело. Встречались. Баба она была бойкая насчет постельных дел, муж ее, видимо, приутомился. А был помоложе, поэтому она его допекала. Ну, и он тоже не прочь был. Так они и наслаждались. Все было бы ничего, тянулось это уже полгода. Иногда эта баба канючила:

— А., хорошо бы нам с тобой обжениться, сойтись полностью.

А. на это отмалчивался, не хотелось ему заводиться с разводом. Как все мужичины, он был на сей счет неподвижен. И вот однажды застал их муж этой бабенки в постели. Скандал. Развод. Жена А. тоже в развод пошла. Все расчистилось, и они сочтались браком. Потом, как-то выпивши, бабенка эта призналась, что она написала анонимку своему мужу, указала и адрес, и час их свидания. Вот он и появился. Форсировала!

★ ★ ★

Задумавшись, я набрал по привычке, чисто машинально, свой номер телефона. Я стоял в автоматной будке поздно вечером, в голове у меня царил неразбериха из-за долгих и нудных дневных неудач, и только когда послышались гудки, я понял, что набрал свой номер, и уже хотел было повесить трубку, чтобы не пропала зря единственная моя двухкопеечная монета, когда в трубке щелкнуло и мужской голос сказал:

— Алло.

Я опешил. Дома никого не было, не должно было быть, ключи лежали у меня в кармане.

— Алло, — повторил мужчина.

— Кто это? — спросил я.

— А кого вам нужно?

Голос показался мне знакомым.

— Кто это говорит? — закричал я.

— Кто вам нужен? — раздраженно повторил он.

— Это два восемь шесть шесть три?

— Да, — сказал он.

— Это квартира Гранина?

— Да.

У меня мелькнула безумная мысль:

— Можно Гранина?

— Это я, — сказал мужчина совершенно спокойно, даже чуть нетерпеливо, — я вас слушаю.

Я молчал.

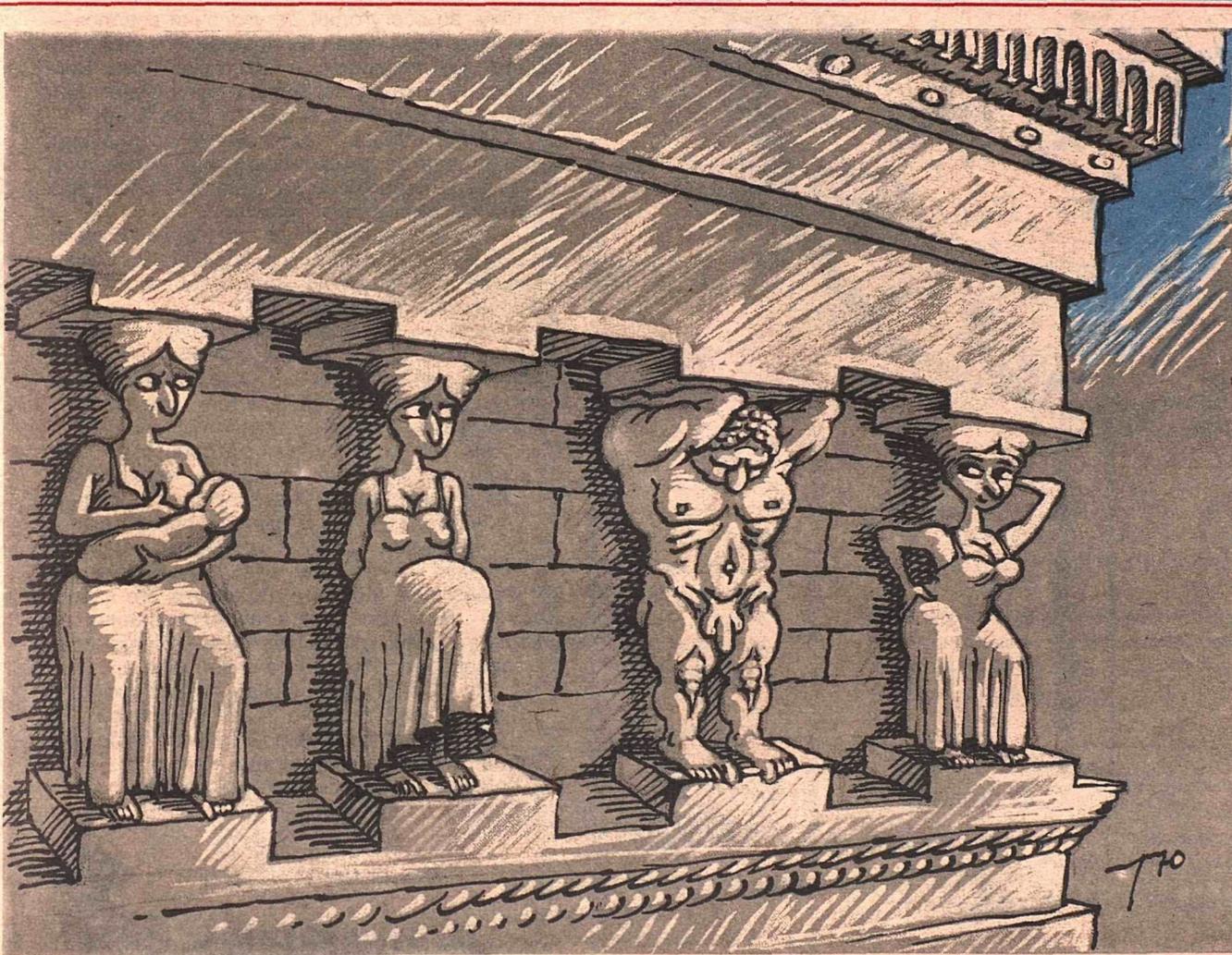
— Алло, — повторил он. — Что вы хотите?

Я растерялся.

— Так, — сказал я, — ничего. Простите, пожалуйста. — И повесил трубку.

В самом деле, что мне от меня было нужно? Да ничего.

г. Санкт-Петербург.

Заместитель главного редактора «Веселых картинок» Сергей ТЮНИН подарил Крокодилу свои последние веселые картинки.
— А вы их в своем журнале не публиковали? — спросил Крокодил.
— Вот этот, левый, рисунок философского направле-

ния, — объяснил Сергей. — Он про тех, кто не воспринимает красочность, яркость окружающего мира. Боюсь, что дети не поймут этот рисунок.
— А правый?
— Правый? Не стоит. Боюсь, что дети поймут...

Кир БУЛЫЧЕВ

Дождик, дождик, дождь идет.
Скоро будет Новый год.
Не погода — непогода,
Не декабрь.
Не зима.
Будем снег в Сахаре скоро
У арабов занимать.

В чем трагедия травинки?
Ей нельзя сойти с тропинки,
И любому колесу
Можно ездить по лицу.
Так и мы с тобой — травинки,
Хоть и ходим по тропинке.

И на пятый пункт в ответ
Пишем: «К сожаленью, нет».

Утконос и утконожка
Как-то выпили немножко,
И такой пошел разврат!
... В этом Дарвин виноват.

Дядя Коля спит и спит,
Красный, словно вымпел.
Мы решили — это СПИД.
Оказалось — выпил.

В это лето солнца нету.
В эту осень солнца нет.
Были б в Африку билеты,
Взял бы в Африку билет.
Коли это бабье лето,
Сколько этой бабе лет?

литы — это казино. Она действительно разработала свою систему игры в рулетку. Но дело в том, что выигрывает почему-то одна Лолита.

ЛОЛИТА. Ничего подобного. Просто, когда люди начинают играть по этой системе и выигрывают, им потом становится скучно, и, раззадоренные деньгами, они начинают играть по-своему. И все спускают. А система такая: надо все время ставить на 8, 22 и зеро. Все время на одни и те же цифры. Плюс к этому есть еще один секретик... Ну и иногда надо еще ставить на 13, 14, 26 и 32. Все дело тут в упорстве и дисциплине — ставить на одни и те же цифры. Играйте! И быть тогда Крокодилу богатым!

Лев УСТИНОВ БЕЗОТВЕТНЫЙ ВОПРОС

Бежал как-то по улице Вопрос — во все окна, во все ворота и подворотни заглядывал.

— Ты чего ищешь? — спрашивают его воробыи.

— Да Ответ мой куда-то делся. Вот я его и ищу.

— А зачем тебе Ответ? — спрашивают.

— Как зачем? О счастье хочу узнать. Какое оно и для чего?

— Узнаешь — и нам скажи, — только и успели чирикнуть ему вдогонку.

А по соседней улице Ответ торопился, тоже во все уголки да уголочки совался — Вопрос свой искал. Вопрос без Ответа хоть сто лет проживет, а вот Ответ без Вопроса — никак: есть Вопрос, так и Ответ найдется, а нет Вопроса, так и Ответа нет.

Им бы точно в одно время до площади добежать, на которой обе улицы совпадают, да ведь Вопрос всегда спешит, а Ответ как раз точностью-то и хромает.

Вопрос добежит до площади, посмотрит — нет Ответа — и обратно. А Ответ, когда до площади доковыляет, так уж Вопрос и след простыл.

А годы, как воробушки, летят по тем же улицам. Сначала вслед, а потом уж и навстречу. И с годами Вопрос все больше и больше торопится, а Ответ все сильнее и сильнее хромает.

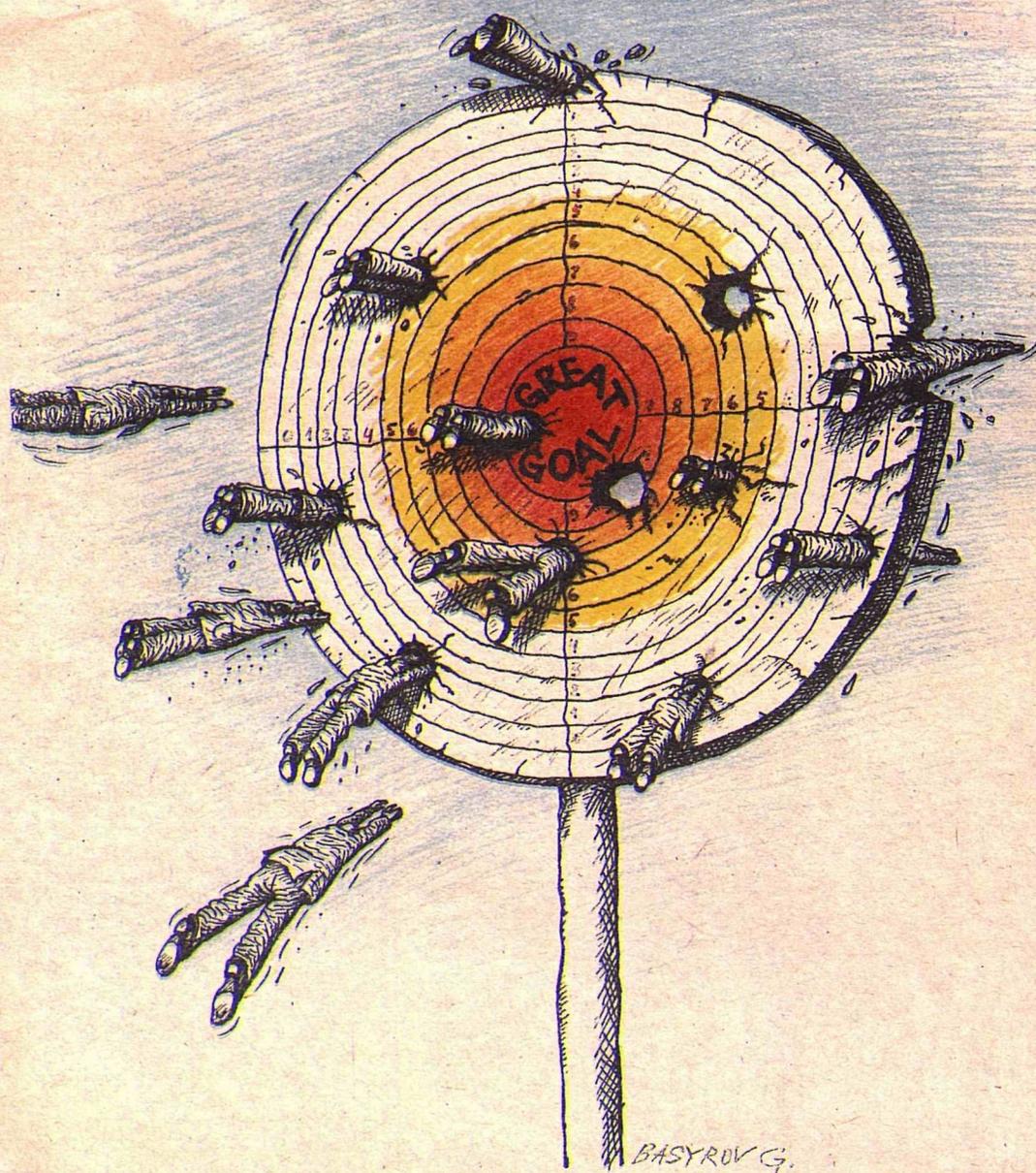
Но вот добежал как-то Вопрос до площади, остановился на минуту, передохнуть самую малость, и видит, что из соседней улицы на площадь ковыляет, прихрамывая, симпатичный старик с добрыми, мудрыми глазами. Ринулся было к нему Вопрос, но словно сила какая-то отшатнула его назад.

— Нет, нет! Эта старая развалина не может быть моим Ответом! — И помчался вприпрыжку обратно по своей улице.

Да и Ответ, увидев скачущий по тротуару Вопрос, тоже скорбно покачал головой:

— Нет, нет, это не мой Вопрос. Уж больно он шустрый да несолидный какой-то...

Так и не узнали они друг друга. Да и о них никто не узнал...

Где только не побывали, каких премий не удостаивались изящные аллегорические рисунки Гарифа БАСЫРОВА! Крокодил с благодарностью принял этот подарок художника, но, не будучи полиглотом, спросил:

— А как переводятся эти заграничные слова?

— «Great Goal» — «Великая цель», — пояснил Гариф-полиглот.

Геннадий ПУСТОТИН

ИМЯРЕК

Вот шагает человек,
Носит имя Имярек.
Может быть, он академик,
Может быть, и дровосек.
Может статься, он портной,
Путешествует с иглой,
Но не шьет, так как шагает —
Потому что выходной.
Может, даже, он сапожник,
Потому что босоног,
Подминает без сапог
Придорожный подорожник.
По планете ходят люди,
Среди них и Имярек.
Мы ему мешать не будем —
Пусть шагает человек.

Элла ПАМФИЛОВА,
министр социальной защиты населения России

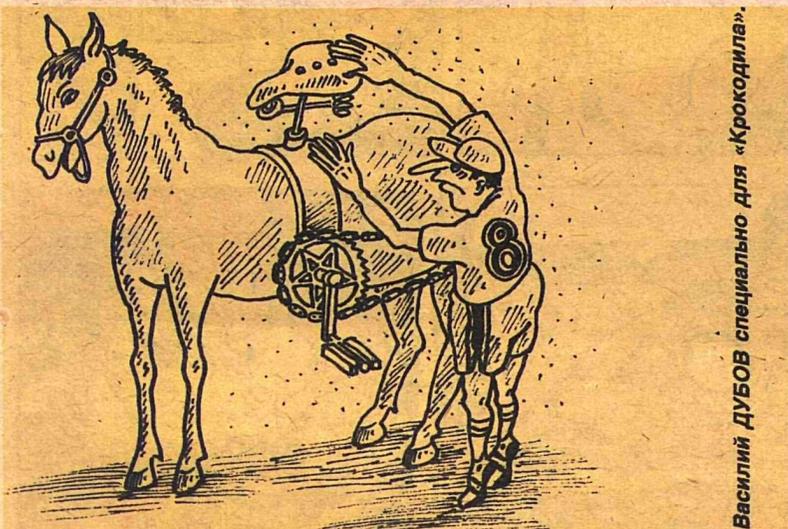
ЗАЩИТИМ МАЛЕНЬКОГО ЧЕЛОВЕКА!

Дорогой мой Крокодил!

Я как-то задумалась: что тебе мешает в наши дни стать, прости, бульварным журналом?! С одной стороны, у тебя мощный творческий потенциал — озорные художники, еретики-сатирики; со стороны другой — полная свобода самовыражения, чем, кстати, не всегда во благо пользуются наши газеты и журналы (некоторые из них читать ввиду засилья уголовщины, порнографии, «чернухи» просто невозможно). Теперь я знаю, что охраняет твои страницы от вседозволенности, — мудрость! Нельзя в наше время усугублять и без того достаточно сложное положение в стране, и потому ты стараешься быть веселым, остроумным, добрым. Что тебе и удастся в полной мере. Это мое читательское мнение. А вот как министру социальной защиты населения России мне особенно импонирует то, что ты, как и прежде, стоишь на страже интересов маленького человека. Будем дружить! У нас есть немало проблем, для решения которых пригодится твой семидесятилетний опыт борьбы с бюрократией, черствостью, прочими нашими «родимыми пятнами». Согласен?

С юбилеем! Целую!

Василий ДУБОВ специально для «Крокодила».

Григорий ОСТЕР

ВЕСЕЛЫЙ ЗАДАЧНИК

Пожарных учат надевать штаны за 3 секунды. Сколько штанов успеет надеть хорошо обученный пожарный за 5 минут?

Узнает ли себя делимое после деления, если перед делением умножить делимое на делитель?

За время летних каникул Вовочка несколько раз стрелял из рогатки и каждый раз попадал в милицию. Узнай, сколько раз попадал в милицию Вовочка, если известно, что милиционеры 3 раза вставляли стекла в окна своей милиции в июне, 9 раз в июле и 14 раз в августе.

Баба Яга утверждает, что Змей Горыныч не пролетит 1000 км без дозаправки. Кашей Бессмертный поспорил с ней на бочку кваса, что пролетит. Змей Горыныч пролетел 4 часа со скоростью 247 км/ч и, совершив вынужденную посадку, съел Ивана Царевича. Проспорила Баба Яга бочку кваса или не проспорила?

Чтоб найти пиратский клад, надо пройти от старого дуба 12 шагов на север, потом 5 шагов на юг, потом еще 4 шага на север и еще 11 шагов на юг. Узнай, где зарыт пиратский клад.

Ответы см. в следующем выпуске «Тотоши и Кокоши».

МУРКА-КОШУРКА

(МОТИВ ИЗВЕСТЕН)

...сулит утрату
Сей песни горестный напев.
Милей кошурка сердцу дев.
А. С. Пушкин.

Чья это фигурка, дымчатая шкурка,
Ждет нас то снаружи, то внутри?
Это наша Мурка, кошечка-кошурка,
Жметя к двери, просит: «Отвори!»

Видишь, в уголочке две блестящих точки
Светятся всю ночь напролет?
Мурочке не спится, ходит, как тигрица,
От мышей домишко стережет.

Утро засияло, скок на одеяло
И поет мне в ухо «мур-мур-мур»,
Целый день играет, то клубки катает,
То грызет у телефона шнур.

В марте в лунном свете, как грудные дети,
Плачут-надрываются коты.
Мурка прыг на кресло, в форточку пролезла
И исчезла. Мурка, где же ты?

Где ж ты, Мурка, бродишь, что ж ты не приходишь?
Иль наш дом теперь тебе не мил?
Я ль с тобой не ладил, я ль тебя не гладил,
Я ль тебя сметаной не кормил?

Чья это фигурка, дымчатая шкурка?
Чьи глаза из подпола блестят?
Там сидела Мурка, кошечка-кошурка,
Рядом с ней сидели семь котят.

Классное творчество

Не находя отзыва внутри Тихона, Катерина идет ночью через калитку на связь с Борисом.

«Самое страшное в жизни — загрызенные совести», — думал Андрей Болконский.

Тихон любит жену своей любовью, но он не понимает слова Добролюбова о том, что она является «светлым лучом» в их доме.

Андрею Болконскому было скучно и грустно смотреть на глупые и тупые лица в светском обществе, разодетые в пышные одеяния.

Базаров уважал в Одинцовой не только ум, но и ее богатое тело.

Лермонтов в стихотворении «Дума» осуждает поколение 30-х годов за то, что оно бездействовало и выплывало в жизни на спинах своих отцов.

В Петербурге Татьяна стала знатной, но несчастной русской женщиной, ей было уже все равно, с кем жить.

Вдалеке Печорин увидел три лошадиных силуэта, это были Грушницкий, драгунский капитан и секундонт.

Раздался выстрел, рассеялся прах, и Грушницкий исчез из жизни с горы.

Из коллекции С. ПАВЛОВСКОГО.

Е. СТАРОДУБЦЕВ, г. Харьков.

Юрий НИКИТИНСКИЙ

СИЛАЧИ

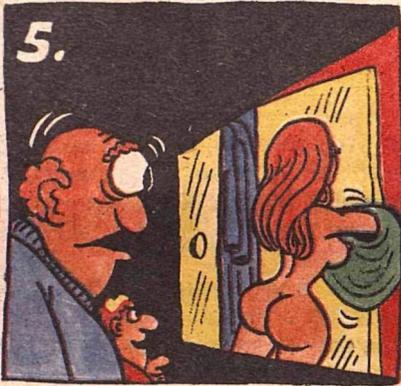
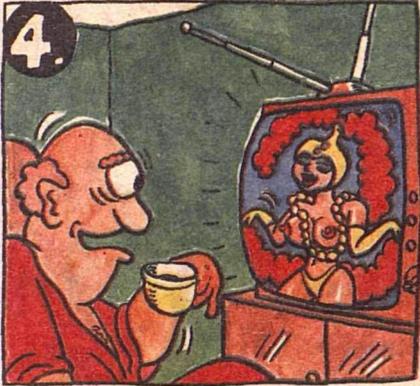
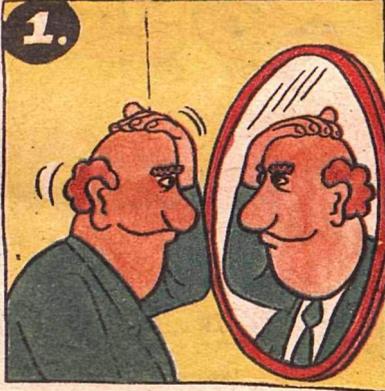
Я и Вовка — силачи!
Мы ломали кирпичи
Ржавым и тяжелым ломом
На строительстве за домом.
Но строитель нас поймал
И по шее надавал!
...Разве можно силачей
Бить за пару кирпичей?

ОБЕД

Ян по вторникам и средам
Кушал кеды за обедом.
А когда не стало кед,
Понял Ян: пропал обед!

ИГОРЬ КОЛГАРЕВ

История болезни

Представитель молодого карикатуризма Игорь КОЛГАРЕВ, поздравив дедушку Крокодила, преподнес ему комикс.
 — А не многовато ли получается эротики? — засомневался юбиляр.
 — Многовато, — согласился Игорь. — Комикс как раз об этом.
 Тут появился столь же молодой Сергей КАПРАНОВ, руководитель Ко-

микс-студии «Ком», и строго предупредил:
 — Рисунок разрешаем напечатать только с пометкой © Комикс-студия «Ком» издательства «Фотофильм».
 — О'кей! — согласился Крокодил. — На ваш копирайт не претендуем. У нас и свой есть...

ВНИМАНИЕ

ЗАОЧНЫЕ ТРЕНИНГИ ДОКТОРА АНДРЕЕВКОВА С ЗАПАХОВЫМ ВОЗДЕЙСТВИЕМ — ВАШЕ СЧАСТЬЕ, ЗДОРОВЬЕ, УСПЕХ В ЖИЗНИ
 Виды тренингов

1. Повышение психофизической и сексуальной привлекательности женщин.
2. Повышение психофизической и сексуальной привлекательности мужчин.
3. Заочное воспитание и программирование судьбы ребенка (с высылкой специальных сказок).
4. Профилактика разводов и укрепление семьи.
5. Обучение экстрасенса.

Стоимость каждого тренинга (с запаховосителем-одорантом в комплекте) — 150 рублей.
 (Оплата производится на почте при получении.)
 Комплекты высылаются наложенным платежом в ответ на письмо-открытку по адресу: 125006, г. Москва, А-8, и/и 333Б.

ПРОДАЮ И ВЫСЫЛАЮ НАЛОЖЕННЫМ ПЛАТЕЖОМ
 клапаны 8-й и 9-й моделей ВАЗ (1200 руб. — комплект).
 ☎ 498-27-15, 495-89-91, 902-54-83, 311-01-08.
 ☒ 123592, Москва, ул. Катукова, 20-1-114.
 КРИВЕЛЬ О. Б.

СП ПРОДАЕТ ОВЕРЛОКИ И ШВЕЙНОЕ ПРОМОВОРУДОВАНИЕ.
 ☎ (095) 498-27-15, 193-39-71.

Справки об условиях публикации рекламы по телефонам: 212-13-59; 251-31-40.

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ
 По всем вопросам, возникающим в связи с рекламными объявлениями, редакция просит обращаться непосредственно к рекламодателю.

НАРОЧНО НЕ ПРИДУМАЕШЬ

«Мясные изделия изготавливаются из мяса жениха и невесты».
 (Объявление в банкетном зале.)
 Прислала И. Чернова, г. Николаев.

«Я заглянул к леснику, жена которого варит отменную бражку, и мы хорошо клюкнули. Домой возвращался, когда стемнело, лепил густой снег, ничего не видно, и вдруг столкнулся с огромным силуэтом, похожим на медведя. Он заревел, вцепился мне в спину, разорвав телогрейку. Я когда-то занимался карате и сумел приемом от него избавиться. Оказывается, карате и на медведей действует. Но и сам при этом упал, фляга с брагой упала набок, раскрылась, много из нее вытекло, тут и инструмент посеял. Быстро поднявшись, схватил драгоценную флягу, инструмент искать было некогда, ведь жизнь в опасности, раз перед

тобой медведь, я дал деру. Медведь продолжал реветь, поднимаясь, порой мне в реве слышались человеческие слова вроде «паскуды», так что, возможно, это был не медведь, я хорошо клюкнул у лесника бражки. А инструмент я в обед отыщу, там никто не ходит. А если это был все-таки медведь, теперь ходить без ружья опасно. Надо сообщить об этом в охотобчество».
 (Из объяснительной.)

«Продаются дойные коза и козел».
 (Объявление.)

«Обезьяны жили на деревьях и были тут наравне с птицами, выше всех. Потом обезьяна стала человеком, когда совсем опустилась».
 (Из школьного сочинения.)
 Прислал Н. Малахов, г. Москва.

КРОКОДИЛ

Журнал сатиры и юмора

№ 10 (2740) август 1992

ИЗДАЕТСЯ С ИЮНЯ 1922 ГОДА

Учредитель — трудовой коллектив редакции журнала «Крокодил»

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР Алексей ПЬАНОВ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Наталья БУХАЛЁВА (ответственный секретарь),
 Борис ЕФИМОВ, Михаил КАЗОВСКИЙ,
 Владислав ПОБЕДНОСЦЕВ (первый зам. главного редактора),
 Эдуард ПОЛЯНСКИЙ, Святослав СПАСКИЙ (главный художник),
 Алексей ХОДАНОВ (зам. главного редактора).

Арт БУХВАЛЬД

И ВСЕ ЖЕ БУДЕМ СМЕЯТЬСЯ!

С большой радостью узнал, что «Крокодил» празднует свое 70-летие. За эти годы я неоднократно печатался в «Крокодиле», за что мне, правда, ни разу не заплатили, но именно благодаря этому я понял, почему вы называетесь юмористическим журналом.

Юмор — весьма опасное дело, а самым опасным местечком для юмористов был бывший Советский Союз. Ваши бюрократы страдали несварением юмора — видимо, оттого, что у них от рождения на один ген меньше, чем у других людей.

И все же люди должны смеяться — так же, как и плакать. Даже в худшие времена «Крокодил» служил благородному делу. Теперь мне хотелось бы увидеть, как вы будете действовать, обретя свободу печатать все, что хотите.

Со счастливым тебя днем рождения, «Крокодил»! Желаю тебе еще 70 лет жизни (несмотря на то, что вы ни разу не заплатили мне ни копейки).

ХАРАМИДЖА,
Хорватия.

— Какой у вас чудесный новый рояль! Кто на нем играет?

— Пока никто. В магазине сказали, что как-нибудь зайдут и покажут, как это делается.

— Я слышала, что ты развелась. Что случилось, дорогая? Ведь вы не прожили и трех дней!

— А ты могла бы жить с человеком, который уже перед алтарем спрашивает, что будет на ужин?

— Франц, чем ты занимаешься на работе?

— К сожалению, не могу тебе сказать, это строго секретно.

— А сколько получаешь?

— По две марки за каждую противотанковую гранату и по одной марке — за ручную.

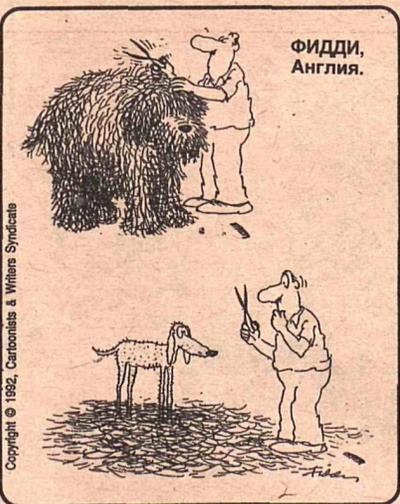
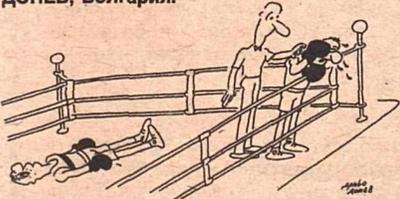
Лектора спросили, не слишком ли обременительно разъезжать по стране с лекциями.

— Ничуть. Я ведь всегда читаю одну и ту же лекцию.

— А если слушатели придут на ваше выступление еще раз?

— Это исключено!

ДОНЕВ, Болгария.

ФИДДИ,
Англия.

Подписывайтесь на «КРОКОДИЛ»-93

Чтоб веселый наш,
чудесный
«КРОКОДИЛ»

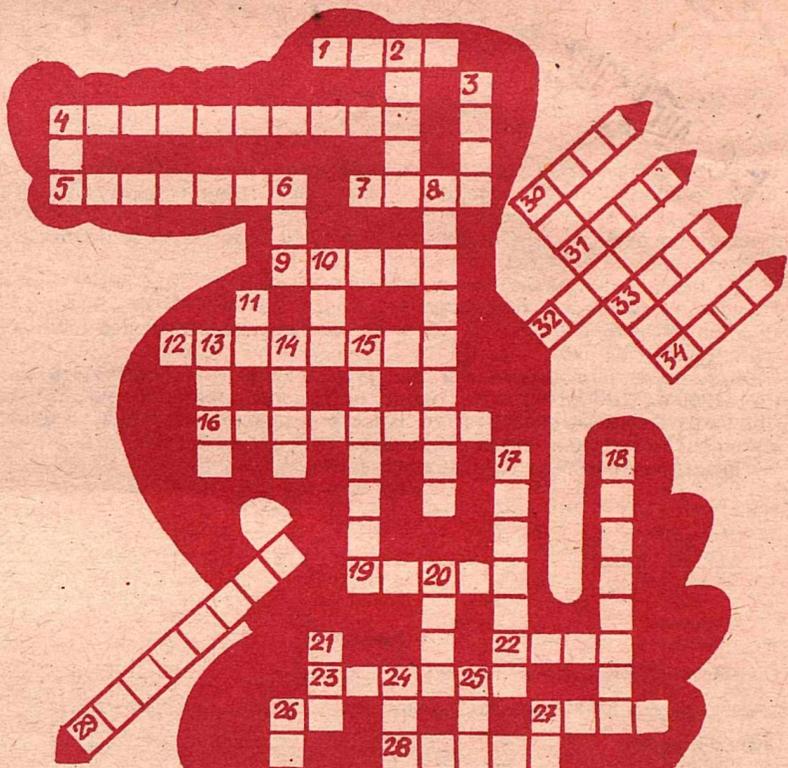
Прямо на дом,
прямо в руки

Нужно срочно,
нужно очень постараться:

Подписаться,
**ПОДПИСАТЬСЯ,
ПОДПИСАТЬСЯ!**

ЦЕНА нашего номера 10 рублей.
ПОДПИСКА на квартал 30 рублей.
ПОДПИСКА на полгода 60 рублей.

Помните, что в ближайшие месяцы цена журнала может увеличиться, и только наши подписчики застрахованы от инфляции!
Да и, кроме того, мы надеемся на вас, наши верные друзья!

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 1. Номер-шик (гостиничн.). 4. Трое в одном сатирическом лице. 5. Острая торговая недостаточность. 7. Антикозий музыкальный инструмент. 9. Единица рациональности (с/х). 11. Митинговый крик. 12. Замаскированный праздник. 16. Жена для короля. 19. Деньги на бочку (банковск.). 22. Драгоценное ископаемое. 23. Все, что падает с неба. 26. Хорошо, а два — лучше. 27. Чудесная плантация. 28. Зеленоглазый вид транспорта.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 2. Первая бегущая с корабля. 3. Эталон текущих проблем. 4. Замковая шифровка. 6. Старший по масти. 8. Плакальщица по «Слову...». 10. Первая грешница. 13. Барышня при пулемете. 14. Зверское подполье. 15. Канительный музыкальный инструмент. 17. Зеркало после разбоя. 18. Юбилар этого номера. 20. Царственный детоненавистник. 21. Йо-хо-хо в бутылке. 24. Запредельная ситуация (спорт.). 25. Корабельный кормилец. 26. Рожденный ползать. 27. 3, 1415...

НА ВИЛАХ (по горизонтали): 29. Предок Дарвина. 30. Потеря Жар-птицы. 31. Содержимое «котелка». 32. Древнегреческая сказка. 33. Берложье лакомство. 34. Очень большое пирожное.

НА ВИЛАХ (по вертикали): 30. Политическая злободневка (сатир.).

Составил П. ШУВАЛОВ.

ОТВЕТЫ НА КВК, ОПУБЛИКОВАННЫЙ в № 9

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 2. Гудок. 5. Копеечка. 7. Оскомица. 10. Внука. 11. Финал. 12. Аврал. 15. Клеветник. 16. Наваха. 18. Ад. 20. Жор. 21. Шакал. 24. Дух. 26. Реж. 29. Тур. 30. Баклуши. 31. Укладка.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Пенал. 2. Гаев. 3. Коса. 4. Смута. 5. Кулидон. 6. Чететка. 8. Колодка. 9. Ариадна. 13. Фетиш. 14. Ангел. 17. Ворожба. 19. Ходатай. 20. Жир. 22. Авгий. 23. Аргус. 25. Хор. 27. Клян. 28. Шанс.

СПАСИБО, ДРУЗЬЯ!

На стенды пестрые глаза,
Вы пробежали по музею,
Где, к экспонату экспонат,
Стихи, рисунки и рассказы —
Любимых авторов проказы —
Составили нестройный ряд

Иные цели и причины
Ко мне вас нынче привели.
И хоть низка цена словам,
Я говорю:
— Спасибо вам!

Не по ранжиру, не по чину...
И не за длинные рубли.

Крокодил

Художественный редактор
Диана МАЗУР

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ОДИН РАЗ В МЕСЯЦ.

Мнения авторов не всегда совпадают с точкой зрения редакции. При перепечатке ссылка на «Крокодил» обязательна.

НАШ АДРЕС: 101455, ГСП-4, Москва, Бумажный проезд, д. 14.

ТЕЛЕФОНЫ ОТДЕЛОВ:

фельетонов — 250-46-68, 250-16-63, литературы — 250-09-70,
распространения — 212-15-47, международного — 250-45-78,
художественного — 212-30-00. Приемная — 250-10-86.

Сдано в набор 29.06.92. Подписано к печати 07.07.92.
Формат бумаги 70 × 108¹/₈. Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 2,80. Усл. кр.-отт. 11,20. Уч.-изд. л. 4,54.
Тираж 479 870 экз. Зак. № 1849.
В розницу цена договорная.

Типография издательства «Пресса», 125865, ГСП,
Москва, А-137,
ул. «Правды», 24.

© «Крокодил», 1992.

-18381

МП «КЛУБ ОДИНОКИХ СЕРДЕЦ»

предлагает

Если Вы хотите работать за рубежом — не обращайтесь к услугам посредников. Лучший посредник — Вы сами. Имея сборник «Работа за рубежом», Вы сможете сами обратиться к зарубежным фирмам, предоставляющим работу. Сборник содержит более 400 адресов и все необходимые пояснения. Цена — 57 руб.

Любители компьютерных игр! Если Вы имеете SPECTRUM, Вам просто необходим сборник описаний «100 игр для ZX-SPECTRUM». В него вошли «ELITE», «ACADEMY», «BAT MAN» и многие другие известные и сложные игры. Цена — 98 руб.

Желающие получить книги могут перечислить их стоимость на р/с 192161300 в РКЦ ГУ ЦБ РФ по Омской обл., кооп. банк «Сибирь», МП «Клуб Одиноких Сердец», МФО 871/714. Вместе с заявкой не забудьте вложить в конверт копию квитанции о почтовом переводе.
Наш адрес: 644092, г. Омск-92, а/я 1124.

Заявка

1. «Работа за рубежом». Кол-во экз. _____
 2. «100 игр для ZX-SPECTRUM». Кол-во экз. _____
- Индекс и адрес: _____

Ф.И.О. _____

ПОСТУПАЮЩИМ В ВУЗЫ И ШКОЛЬНИКАМ

КООПЕРАТИВ «УЧИТЕЛЬ» предлагает методические пособия для подготовки к экзаменам по следующим предметам: три пособия по МАТЕМАТИКЕ (способы решения задач) — 9-й кл.; 11-й кл., поступающим в вузы. Семь пособий (общих для 11-го кл. и поступающих в вузы). ФИЗИКА: пособие № 1 (ответы на билеты), пособие № 2 (способы решения задач). ХИМИЯ: пособие № 1 (ответы на билеты), пособие № 2 (способы решения задач). БИОЛОГИЯ (ответы на билеты). АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК (темы с переводом). НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК (темы с переводом). РУССКИЙ ЯЗЫК — 9-й кл. (ответы на билеты). СОЧИНЕНИЕ — три пособия для поступающих в вузы: № 1 (в основном сочинения по программным произведениям); № 2 (больше сочинений по современной литературе: «Дети Арбата», «Плаха», «Белые одежды», «Жизнь и судьба» и др.); № 3 (сочинения о новинках литературы, о молодежи, об экологии; антисталинская, нравственная и др. темы в современной литературе).

Пять пособий для школьников: два общих для 9—11-го кл.: 9—11-й (№ 1) — сочинения по ряду ведущих программных произведений; 9—11-й (№ 2) — сочинения на свободную тему и по произведениям, включенным в новую программу для 11-го кл.: «Поединок», «Доктор Живаго», «Мастер и Маргарита» и др. Три отдельных для 9-го, 10-го и 11-го кл. (с сочинениями по основным произведениям, изучаемым в каждом из этих кл.). В любом из 8 пособий 13—16 сочинений. Темы нигде не повторяются.

Цена одного пособия по любому предмету 100 руб. Оплата — при получении на почте. Заказы присылайте по адресу: 400067, Волгоград, п/о 67, а/я 14/1, КООПЕРАТИВ «УЧИТЕЛЬ».

Телефон для справок: (8442) 42-33-77.

ВЫСОКОЙ КВАЛИФИКАЦИИ — ВЫСОКИЙ ЗАРАБОТОК!

На постоянную работу в метизный цех фирма «РОСПРОМРЕМСТРОЙ» приглашает:

- наладчиков автоматов холодной высадки;
- слесарей-инструментальщиков;
- слесарей по ремонту станочного оборудования;
- автослесарей.

У НАС ВСЕГДА ЕСТЬ РАБОТА ДЛЯ КЛАССНЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ! ЭТО ВЫГОДНО! ЭТО НАДЕЖНО! ТОРОПИТЕСЬ! ВАКАНТНЫХ МЕСТ НЕ ТАК УЖ МНОГО!

Тел.: 365-55-57, 365-53-52 (с 9.00 до 18.00).

Предприятие приобретет самолеты, вертолеты, авиадвигатели, редкоземельные, цветные и черные металлы, нефть, лес и пиломатериалы, другую продукцию производственно-технического назначения, сельскохозяйственную продукцию при наличии лицензии на вывоз из СНГ. Форма оплаты различная. Возможен бартер. Рассмотрим предложения о создании совместных предприятий.

НА ВЫГОДНЫХ УСЛОВИЯХ

РОСПРОМРЕМСТРОЙ

ХОЗРАСЧЕТНАЯ ФИРМА приглашает на работу сложившиеся коллективы:

- ✓ КРОВЕЛЬЩИКОВ (МЯГКАЯ КРОВЛЯ, СТАЛЬНАЯ КРОВЛЯ);
- ✓ ПРОМЫШЛЕННЫХ АЛЬПИНИСТОВ (ГЕРМЕТИЗАЦИЯ, ОКРАСКА ЦЕХОВ);
- ✓ ФАСАДЧИКОВ

ВАШ УСПЕХ - ЭТО РАБОТА У НАС !!!

105118, г. Москва, АС-111
(095) 365-53-52, 365-55-57 (9.00-18.00)

2006, Вильнюс, а/я 2377.
74-89-56, с 9.00 до 18.00.

РУССКИЙ ФЕНОМЕН!

Универсальная система кодирования доктора Мороза А. Л.

ПУТЬ К ЗДОРОВЬЮ, СЧАСТЬЮ, УСПЕХУ!

Анкеты высылаются бесплатно. Приглашаем к сотрудничеству граждан и организации. В письмо вложите конверт со своим адресом.
370065, г. Баку, «Ди-зайн», Морозу А. Л.

ЛИНГАФОННЫЕ КУРСЫ

АНГЛИЙСКОГО, ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКОВ,

выпускаемые издательством «Пресса» (Молдова) и фирмой «Диофант» (Крым), представляют собой апробированные практикой учебные пособия, позволяющие в краткие сроки овладеть иностранными языками на разговорном уровне. К пособиям прилагаются 2 кассеты с записью 25 уроков с носителями языка. Четкая артикуляция и медленное чтение избавят Вас от фонетических трудностей.

АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК — 215 руб.
ФРАНЦУЗСКИЙ ЯЗЫК — 206 руб.

Если Вы изъявите желание заказать наши лингафонные курсы, Вам необходимо отправить указанную сумму почтовым переводом в один из приведенных ниже адресов. На корешке «Для письменного сообщения» укажите свой подробный адрес.

В указанную сумму почтовые расходы не входят, они оплачиваются при получении заказа.

АДРЕСА: 333000, Симферополь, а/я 898, «Диофант»;
277042, Кишинев, а/я 9663, «Сателлит»;
354067, Сочи, а/я 229, «Инфорс».

При отправлении денег в Россию (Сочи) к оговоренной сумме прибавляете 10%. Например, Вы заказали «Английский язык» — 215 руб. + 10% = 236 руб. 50 коп.

ВНИМАНИЕ! Если Вы опасаетесь высылать деньги заранее, но готовы оформить заказ наложенным платежом, фирмы-издатели предупреждают, что они смогут выслать ТОЛЬКО КНИГУ, т. к. средствами на приобретение ставших ныне дорогими кассет они не располагают.

ЖДЕМ ВАШИХ ЗАКАЗОВ И ЖЕЛАЕМ УСПЕХОВ!

Индекс 70448.